Будилович. А.

Наука и политика

А 288/271

А 218
271.

А. С. Будиловичъ.

НАУКА и ПОЛИТИКА

ТРИ СТАТЬИ
ПО
ЗЛОБОДНЕВНЫМЪ ВОПРОСАМЪ.

Motto:
Litteris et patriae.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Пушкинская Скоропечатня". Лештуковъ, 4.
1905.

А 288
271

А. С. Будиловичъ.

НАУКА и ПОЛИТИКА

ТРИ СТАТЬИ

ПО

ЗЛОБОДНЕВНЫМЪ ВОПРОСАМЪ.

Мотто:

litteris et patriae.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Пушкинская Скоропечатня". Лештуковъ, 4.
1905.

ПУБЛИЧ. И РУМЯНЦОВ. МУЗЕИ
БИБЛІОТЕКА

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 мая 1905 г.

2007058737

Посвящается

памяти

А. С. Хомякова,

Людевита Штура,

А. И. Добрянскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ трехъ статей, составляющихъ этотъ маленькій сборникъ, первая была напечатана въ газетѣ „Новое Время“ (17 февраля 1905 г. № 10.400), вторая—въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (апрѣль 1905 г.), а третья—издается здѣсь впервые.

Мотто: Litteris et patriae заимствовано мною изъ надписи на фронтонѣ Страсбургскаго университета, какъ лапидарная формула духа и стремленій западной академической науки.

Тѣни Хомякова, Штура, Добрянскаго вызываются здѣсь во свидѣтельство истины въ раздѣляющей насъ распрѣ и какъ три свѣточа, ярко освѣщающіе съ востока и запада тотъ историческій путь, который открывается нынѣ передъ русскимъ народомъ.

Авторъ.

29-го Апрѣля
1905 г.

А.

Нѣсколько критическихъ замѣчаній на „Записку 342 ученыхъ о нуждахъ просвѣщенія“

Въ № 22 газеты „Наши Дни“ (отъ 19 января) напечатана подъ заглавіемъ: „Нужды просвѣщенія. Записка 342 ученыхъ“ резолюція 16 членовъ Академіи Наукъ, 125 профессоровъ и 201 доцентовъ, преподавателей, ассистентовъ и лаборантовъ о необходимости „полнаго и коренного преобразованія современнаго государственнаго строя Россіи“, путемъ „привлеченія свободно-избранныхъ представителей всего народа къ осуществленію законодательной власти и контролю надъ дѣйствіями администраціи“. Мотивируется эта резолюція тѣмъ, что „народное просвѣщеніе Россіи находится въ самомъ жалкомъ положеніи“: начальное образованіе доступно не всему населенію и стоитъ на весьма низкомъ уровнѣ; среднее не удовлетворяетъ потребностямъ населенія и обезличиваетъ ученика и учителя; высшее же находится въ состояніи разложенія, вслѣдствіе отсутствія свободы преподаванія и академической автономіи, смѣшенія науки съ политикой и студенческихъ волненій. Тяжеладе и доля преподавателей во всѣхъ этихъ школахъ, вслѣдствіе стѣсненія ихъ свободы и низведенія

преподавателей—даже высшей школы -къ положенію подначальныхъ чиновниковъ. Между тѣмъ наука развивается-де только тамъ, гдѣ она свободна и можетъ безпрепятственно освѣщать самые темные углы человѣческой жизни. А такъ какъ академическая свобода несовмѣстима де съ современнымъ государственнымъ строемъ Россіи, несостоятельность котораго доказана молъ и нынѣшними „жестокими ударами судьбы", то неотложнымъ представляется преобразовать этотъ строй въ направленіи, единодушно-де намѣченномъ и земцами, и думами, и учеными коллегіями, и разными общественными группами, т. е. въ смыслѣ введенія представительныхъ учрежденій.

Въ виду большой огласки, приданной этой „Запискѣ 342 ученыхъ", къ которымъ примкнула потомъ еще сотня профессоровъ и ассистентовъ, а также въ виду безспорной связи этой резолюціи съ послѣдовавшими за нею аналогичными заявленіями другихъ профессіональныхъ группъ: адвокатовъ, врачей, инженеровъ, биржевиковъ и наконецъ многихъ студенческихъ и даже гимназическихъ сходокъ, которыя вотировали между прочимъ и забастовку, не мѣшало бы, кажется, компетентнымъ судьямъ ближе разобраться въ аргументаціи упомянутой Записки, чтобы дать ей правильную оцѣнку.

На меня лично, признаюсь, Записка эта производитъ тягостное впечатлѣніе своимъ высокомѣрнымъ догматизмомъ, явными преувеличеніями, отсутствіемъ исторической перспективы, а кое-гдѣ и логическими противорѣчіями.

Назвавъ свое заявленіе „Запиской 342 ученыхъ", гг. академики, профессора и ассистенты должны бы, изъ уваженія къ читателю и обществу, представить достаточную мотивировку каждаго изъ своихъ— весьма спорныхъ въ столь категорической постановкѣ—тезисовъ, какъ это принято въ запискахъ лицъ ученыхъ. Вмѣсто того они предпочли возсѣсть на своего рода „лобостротонъ" и изречь оттуда urbi et orbi очень уже строгій приговоръ надъ своей собственной матерью — всей системой русскаго просвѣщенія, и притомъ подъ угломъ зрѣнія не столько науки, сколько политики, въ которой гг. академики и профессора не имѣютъ собственно компетентности профессіональной.

Къ явнымъ преувеличеніямъ „Записки" я не могу не отнести прежде всего наименованія „самымъ жалкимъ" нынѣшняго положенія нашего просвѣщенія, которое вовсе не представляется такимъ, если смотрѣть на него, какъ это требуется отъ объективнаго ученаго, не съ холодныхъ высотъ идеала, а на почвѣ родной дѣйствительности и въ извѣстной исторической перспективѣ, по сравненію, положимъ, съ эпохой освободительныхъ реформъ Александра II.

Развѣ существовала въ ту пору, отдѣленную отъ насъ всего сорокалѣтіемъ, такая громадная, какъ нынѣ, сѣть народныхъ школъ —министерскихъ, земскихъ, церковныхъ, частныхъ, охватившая уже если и не всю молодежь школьнаго возраста (чего нѣтъ и во многихъ старыхъ конституціонныхъ странахъ), то все же очень большой процентъ ея, во многихъ губерніяхъ до половины общаго числа,

такъ что кое-гдѣ уже возбужденъ вопросъ о введеніи въ опредѣленный срокъ общаго начальнаго обученія? Существовала ли тогда и подобная нынѣшней огромная фаланга народныхъ учителей и учительницъ, получившихъ въ значительной мѣрѣ спеціальную педагогическую подготовку въ учительскихъ семинаріяхъ и другихъ, очень недурно поставленныхъ, школахъ и курсахъ народно-учительскихъ? Были ли въ ту пору такія—въ большинствѣ прекрасныя, какъ нынѣ, и столь многочисленныя городскія школы съ отличными педагогами изъ учительскихъ институтовъ? Существовала ли сѣть низшихъ профессіональныхъ школъ: промышленныхъ, торговыхъ, ремесленныхъ, по самымъ разнообразнымъ спеціальностямъ?

Затѣмъ, въ системѣ школъ среднихъ, была ли тогда хоть треть нынѣшняго числа мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, школъ коммерческихъ, техническихъ, сельско-хозяйственныхъ? Если даже согласиться, что нѣкоторыя изъ нашихъ среднихъ школъ нынѣ разстроены (главнымъ образомъ мужскія гимназіи, вслѣдствіе колебанія педагогическихъ системъ), то другія безспорно развиваются очень успѣшно, напримѣръ женскія гимназіи, послужившія уже основою для учрежденія высшихъ женскихъ курсовъ и институтовъ, не говоря о громадной роли гимназистокъ въ педагогическомъ персоналѣ начальной школы.

Далѣе, въ области школъ высшихъ, существовали ли сорокъ лѣтъ назадъ русскіе университеты въ Варшавѣ, Юрьевѣ, Одессѣ, Томскѣ, высшія техническія школы въ Москвѣ, Харьковѣ, Томскѣ,

политехникумы въ Петербургѣ, Варшавѣ, Кіевѣ и многія другія высшія школы и ученыя учрежденія? Встрѣчались ли такіе великолѣпные кабинеты, лабораторіи, клиники, какіе не рѣдкость теперь въ Петербургѣ, Москвѣ, а частью и въ провинціальныхъ городахъ? Существовали ли студенческія общежитія? Имѣли ли такое значеніе приватъ доценты и ассистенты, которые нынѣ, какъ видно изъ разсматриваемой „Записки", стоятъ уже на одной линіи съ академиками и професорами, какъ „ученые" и „дѣятели" высшей школы!

Едва ли авторы «Записки» могутъ отыскать хотя бы одно конституціонное государство, въ которомъ народное просвѣщеніе въ сорокалѣтіе сдѣлало бы столь быстрые успѣхи! А между тѣмъ на Западѣ развитіе школъ совершается несравненно легче, при болѣе зрѣломъ историческомъ возрастѣ населенія, его географической сосредоточенности и экономической силѣ. Кромѣ того, на Западѣ и общество дѣятельно помогаетъ правительству въ организаціи школъ, не прибѣгая даже, напр. въ Англіи и Сѣверной Америкѣ, къ казеннымъ средствамъ на это дѣло. По своему же зрѣлому патріотическому настроенію западное общество никогда не сдѣлаетъ школы рычагомъ для политической агитаціи, какъ это, къ прискорбію, нерѣдко наблюдается у насъ...

Къ числу явныхъ преувеличеній въ «Запискѣ 342» отношу я выраженія о якобы «полицейскомъ» характерѣ правительственной политики въ области народнаго просвѣщенія, о мнимомъ отсутствіи въ нашей высшей школѣ свободы научнаго изслѣдованія и преподаванія, о совершенномъ подавленіи

академической автономіи, о чьемъ-то стремленіи изъ науки сдѣлать орудіе политики, о безправномъ положеніи учителей низшей школы, стѣсненномъ средней и «унизительномъ» высшей.

Если бы правительство дѣйствительно стремилось сдѣлать школу ареною полиціи или орудіемъ политики, то, располагая назначеніемъ преподавателей, стало ли бы оно вводить въ ихъ составъ такое множество оппозиціонныхъ элементовъ, какое наблюдается въ немъ нынѣ? Если бы оно «подавляло» личность ученика, то возможны ли были бы даже между гимназистами нынѣшнія оргіи школьнаго радикализма и обструкціонизма?

Для пріобрѣтенія же полной университетской автономіи,—если разумѣть подъ ней не простую, уже осуществляемую у насъ децентрализацію власти, а особую систему самоуправленія, въ родѣ земскаго или городского,—университеты должны бы собственно отказаться отъ казенныхъ средствъ, а также отъ права раздавать государственные дипломы и преобразоваться въ заведенія частныя, въ родѣ проектируемыхъ нынѣ Г. Э. Зенгеромъ («Новое Время», № 10394). Къ сожалѣнію, университеты «вольные» (libres) съ трудомъ влачатъ свое существованіе и на Западѣ, имѣя рядомъ съ собою университеты государственные (d'état). У насъ же для подобныхъ вольныхъ университетовъ вѣроятно не нашлось бы ни капиталовъ, ни выдержанной организаціи, ни охотниковъ учиться изъ чистой любви къ наукѣ, безъ исканія дипломовъ и правъ на службу.

Что касается безусловной „свободы преподаванія", то, насколько извѣстно, ни въ Старомъ, ни въ Новомъ свѣтѣ не существуетъ университета, гдѣ преподаватель могъ бы проповѣдывать съ каѳедры все, что ему взбредетъ на умъ: вездѣ эта свобода ограничена законами страны и долгомъ патріотизма.

Крайнимъ преувеличеніемъ представляется увѣреніе „Записки 342", будто наши профессора „низводятся на степень чиновниковъ, долженствующихъ слѣпо исполнять приказанія начальства". Профессора республиканской конституціонной Франціи куда зависимѣе въ этомъ отношеніи отъ своего начальства! Мнѣ думается даже, что врядъ ли они рѣшились бы нынѣ опубликовать коллективное заявленіе о необходимости замѣнить во Франціи строй республиканскій монархическимъ... Недавнее изгнаніе изъ страны десятковъ тысячъ учителей и учительницъ изъ состава конгрегаціи за „вредное направленіе" у всѣхъ еще въ памяти.

Болѣе чѣмъ преувеличеніе вижу я и въ томъ заявленіи „342", будто отъ правительственныхъ распоряженій произошло у насъ „пониженіе научнаго и нравственнаго уровня профессорской коллегіи". Человѣкъ истинно-ученый и истинно свободный ни при какихъ условіяхъ, даже на кострѣ (какъ Гусъ и Саванарола), не потеряетъ своей духовной свободы, потому что она составляетъ неотдѣлимую часть его внутренней сущности! Если же такое „пониженіе" у насъ дѣйствительно наблюдается, противъ чего возражать трудно, то оно обусловлено вовсе не „правительственными мѣро-

пріятіями", а болѣе глубокими историко-культурными причинами. Всего же чаще оно зависитъ, по моему убѣжденію, отъ укоренившагося въ нашемъ обществѣ издавна, не безъ вины и правительства, „чужебѣсія", какъ выразился Юрій Крижаничъ,— раболѣпія къ всему западному и постепеннаго отторженія отъ историческихъ основъ русской жизни. Это, конечно, должно было повести и къ предпочтенію современныхъ западныхъ формъ государственнаго строя нашимъ собственнымъ, которыя между тѣмъ сложились вѣками, укрѣпились въ народномъ сознаніи и бытѣ и, слѣдовательно, даже по законамъ эволюціи не могутъ моментально измѣняться, какъ покрой платья, по щучьему велѣнью. Ибо въ противномъ случаѣ не предстояла ли бы нашей конституціи судьба Мидхадовской въ Турціи?

Совершенное забвеніе „342 учеными" исторіи отражается и въ ихъ категорическомъ увѣреніи, будто „академическая свобода несовмѣстима съ современнымъ государственнымъ строемъ Россіи". Почему же она могла совмѣщаться съ нимъ въ періодъ дѣйствія устава 1863 г., который обыкновенно признается нормой нашей „академической свободы"? Почему и въ Германіи всѣ старшіе университеты донынѣ, безъ ущерба своей автономіи, пользуются уставами XVIII и начала XIX вв., которые между тѣмъ возникли въ періодъ абсолютизма и прекрасно уживались съ нимъ? Почему австро-венгерскіе университеты, при всей своей автономности, и теперь руководятся уставами, выработанными гр. Л. Туномъ въ періодъ Баховскаго

абсолютизма? А вотъ во Франціи автономія университетовъ, столь знаменитыхъ въ средніе вѣка, была упразднена не кѣмъ инымъ, какъ великой революціей и ея воплощеніемъ — Наполеономъ I, при томъ такъ основательно, что и вторая и третья республики не въ состояніи уже были возстановить ее въ прежнемъ объемѣ...

Къ историческимъ неточностямъ „Записки“ отношу я и утвержденіе, будто „опытъ исторіи свидѣтельствуетъ“ въ пользу привлеченія къ „законодательной“ работѣ и къ „контролю надъ дѣйствіями администраціи“... „свободно-избранныхъ представителей всего народа“. Наоборотъ, жизнь конституціонныхъ государствъ, если изучать ее не по книгамъ только, а на мѣстѣ, доказываетъ прямо противоположное, а именно: во 1-хъ, что „представители“ народа всего рѣже избираются свободно, а обыкновенно подкупомъ, насиліемъ и вторженіемъ разнаго рода темныхъ лицъ и организацій, чѣмъ и объясняется возможность появленія напр. въ католической и монархической—по меньшей мѣрѣ въ $^2/_3$ населенія—Франціи парламентскаго большинства изъ соціалистовъ, дрейфусаровъ и панамистовъ; во 2-хъ, что нигдѣ въ конституціонномъ мірѣ мы не встрѣчаемъ представительства всего народа, а лишь „классовъ и интересовъ“, т.-е. верхнихъ, болѣе богатыхъ и безцеремонныхъ слоевъ населенія, причемъ народныя массы, иногда и цѣлыя народности систематически вычеркиваются изъ парламента,—какъ это 25 лѣтъ уже наблюдается въ нынѣшней мадьярской Венгріи по отношенію къ славянамъ, румынамъ и даже нѣмцамъ: въ 3-хъ

предполагаемый „контроль надъ администраціей“ оказывается всего чаще фиктивнымъ, ибо большинство палаты и министерство принадлежатъ обыкновенно къ той же партіи, а потому легко вступаютъ въ сдѣлку за счетъ государства или чужихъ партій, какъ это было недавно во Франціи, благодаря соглашенію Комба съ Жоресомъ и его соціалистическимъ блокомъ; а наконецъ, въ 4-хъ, что „осуществленіе законодательной власти“ зачастую прерывается въ конституціонныхъ государствахъ на цѣлые мѣсяцы и даже годы, вслѣдствіе обструкціи меньшинства, противъ которой конституціонное право Запада не придумало еще никакихъ дѣйствительныхъ средствъ, кромѣ вторженія самодержавія, какъ это практикуется въ Австріи въ силу § 14 конституціи. Легко представить, какой видъ принялъ бы всероссійскій парламентъ при нашей вѣковой разрозненности, неуваженіи къ закону, неспособности къ дисциплинѣ, склонности къ обструкціи и при огромныхъ аппетитахъ нашихъ многочисленныхъ и хорошо организованныхъ инородцевъ!

Наконецъ, еще одинъ вопросъ: если правы „342 ученыхъ“ въ ихъ утвержденіи, что „наука можетъ развиться только тамъ, гдѣ она свободна“,—чего, какъ они утверждаютъ, въ Россіи вовсе нѣтъ, да и не было, ибо не вчера же возникъ нашъ „государственный строй“,—то, спрашивается, съ какого же неба упали на нашу грѣшную и рабскую русскую землю сами эти „342 ученыхъ“?

Вѣдь одно изъ двухъ: либо при нашемъ государственномъ строѣ истинная наука не мыслима,

ибо ея служители являются жертвами «научнаго и нравственнаго» вырожденія, и тогда наши «ученые» ни на кого не могутъ особенно импонировать хотя бы и тысячами своихъ подписей; либо, наоборотъ, они дѣйствительно серьезные «ученые», истинные «дѣятели», гордость и слава нашей Академіи и высшихъ школъ (въ чемъ я лично не сомнѣваюсь по отношенію ко многимъ изъ нихъ). Въ послѣднемъ случаѣ необходимо признать, что самая высокая наука и плодотворное служеніе ей вполнѣ совмѣстимы съ государственнымъ строемъ нынѣшней Россіи, какъ были они совмѣстимы съ этимъ строемъ и во дни Ломоносова, Карамзина, Лобачевскаго, Пирогова, Хомякова, Менделѣева и нашихъ великихъ поэтовъ—Пушкина, Гоголя, Толстого. Если же это такъ, —а допустить это необходимо, - то нѣтъ, кажется, основаній въ интересахъ науки и школы настаивать на немедленномъ измѣненіи этого строя по заморскимъ образцамъ, особенно въ переживаемое нами военное время. Вѣдь самыя элементарныя требованія патріотизма обязываютъ каждаго изъ насъ сосредоточить теперь всѣ усилія мысли и воли на отраженіи новаго монгольскаго нашествія, чтобы не повторилось съ нами и съ нашими дѣтьми того, что случилось нѣкогда, по винѣ нашихъ предковъ, съ Русью удѣльною, послѣ роковой битвы на Калкѣ...

15 Февраля 1905 г.

Б.

Еще два слова о „Запискѣ 342 ученыхъ“.

1.

Въ № 46 газеты „Русь“ (отъ 23 февраля) появилась статья профессора Юрьевскаго университета г. Сентъ-Илера подъ заглавіемъ: „По поводу статьи г. Будиловича о Запискѣ 342 ученыхъ“. Такъ какъ статья эта выгодно выдѣляется изъ среды другихъ извѣстныхъ мнѣ возраженій на мою критическую замѣтку („Нов. Вр.“ 17 февраля) серьезностью тона и подробностію изложенія, то я считаю себя обязаннымъ откликнуться на нее.

При этомъ я не стану, конечно, вводить въ свою бесѣду субъективныхъ элементовъ, въ родѣ выражаемаго г. С.-И. „удивленія“, что я думаю иначе, чѣмъ онъ; не стану, подобно ему, ставить вопросовъ о его компетентности или некомпетентности въ данномъ случаѣ, о самостоятельности или несамостоятельности его мнѣній, ибо думаю, что подобныя субъективности къ разъясненію дѣла не приближаютъ.

Не могу, однако, не сдѣлать оговорки противъ упрека, будто считая профессоровъ на сотни, я употребляю пріемъ, болѣе „подходящій къ казакамъ, чѣмъ къ ученымъ“,—особенно такимъ, какъ „16 академиковъ, профессоры Павловъ, Тимирязевъ, Вернадскій, Боргманъ, Шимкевичъ и мн. др.“, которыхъ „надо-де считать единицами, а не сотнями“. Г. С.-И. забываетъ, кажется, что пріемъ счисленія авторовъ „Записки“ на три сотни, четыре десятка

и двѣ единицы я заимствовалъ отъ редакціи „Нашихъ Дней“, которая подала мнѣ примѣръ и въ раздѣленіи ихъ на три группы (академики, профессора, ассистенты) по признакамъ служебнымъ, а не по научному вѣсу каждаго въ отдѣльности. Притомъ, подобно г. С.-П., и я выразилъ убѣжденіе, что между „342“ есть много истинныхъ и ученыхъ дѣятелей нашей Академіи Наукъ и высшихъ школъ. Вводить же въ ихъ перечень какую-нибудь градацію и различать лицъ, считаемыхъ единицами, отъ другихъ, считаемыхъ дюжинами или сотнями, я не считалъ себя призваннымъ, между прочимъ и по разнообразію спеціальностей этихъ ученыхъ. Вѣдь и г. С.-П. сумѣлъ выдѣлить изъ общей группы лишь немного единицъ, собственно натуралистовъ, чѣмъ онъ могъ, пожалуй, обидѣть не менѣе видныхъ представителей другихъ спеціальностей, слитыхъ въ неопредѣленномъ наименованіи „многихъ другихъ“.

Второй пунктъ, гдѣ я считаю совершенно необоснованнымъ обращенный ко мнѣ упрекъ г. С.-П., заключается въ слѣдующихъ словахъ: „Съ самаго же начала г. Будиловичъ становится на неправильную точку зрѣнія: „Записка“ говоритъ не о необходимости коренного преобразованія современнаго государственнаго строя Россіи и мотивируетъ это недостаткомъ просвѣщенія, но говоритъ о нуждахъ просвѣщенія и приходитъ къ заключенію, что преобразованіе просвѣщенія едва ли мыслимо, если для выясненія нуждъ народа не будутъ призваны народные представители и не будетъ существовать контроля надъ дѣйствіями администраціи“.

Очень вѣроятно, что таково было мнѣніе г. С.-П. и многихъ другихъ лицъ при подписаніи „Записки", послѣ бѣглаго ея прочтенія. Но все же мнѣніе это не согласно ни съ буквальнымъ текстомъ „Записки", ни съ общимъ ея построеніемъ, которое вѣдь сводится къ слѣдующей схемѣ:

Принимая во вниманіе, что народное просвѣщеніе въ Россіи находится въ самомъ жалкомъ положеніи, въ системѣ школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ; что участь лицъ, которымъ приходится трудиться на этомъ поприщѣ, тяжела, стѣснительна, унизительна; что особенно страдаетъ при этомъ наша высшая школа, по отсутствію свободы и пониженію уровня профессорской коллегіи; что нашъ современный школьный режимъ составляетъ общественное и государственное зло: мы, нижеподписавшіеся, вынуждены заявить убѣжденіе, что академическая свобода несовмѣстима съ современнымъ государственнымъ строемъ Россіи и что для достиженія ея недостаточны частичныя поправки существующаго порядка, а необходимо полное и коренное его преобразованіе въ томъ смыслѣ, какъ это выражено въ резолюціяхъ земскихъ дѣятелей и разныхъ общественныхъ собраній и группъ, то-есть въ видѣ установленія незыблемаго начала законности и политической свободы, путемъ привлеченія свободно-избранныхъ представителей всего народа къ осуществленію законодательной власти и контролю надъ дѣйствіями администраціи...

На этомъ основаніи я и считалъ себя въ правѣ назвать эту „Записку" резолюціей г.г. ученыхъ о

необходимости преобразованія государственнаго строя Россіи.

И теперь, послѣ смягчующихъ разъясненій г. С.-И., я затруднился бы найти въ построеніи и содержаніи «Записки» что-нибудь существенно отличное отъ множества другихъ политическихъ резолюцій этого рода, на которыя ссылается впрочемъ и сама „Записка". Ставить же въ основу заключенія о ней только заголовокъ: „О нуждахъ просвѣщенія" было бы слишкомъ ужъ наивно въ замѣткѣ, задавшейся цѣлью дать этому документу критическую оцѣнку. Да и самъ г. С.-И. въ другомъ мѣстѣ сознается, что цѣль „Записки" заключалась не въ томъ, чтобы „что нибудь доказывать", а въ томъ, чтобы „соединить лицъ, имѣющихъ сходныя убѣжденія.

Третій пунктъ, на которомъ я не могу не остановиться, заключается въ бѣгломъ, по весьма характерномъ замѣчаніи г. С.-И. на слѣдующія мои слова: „342 предпочли возсѣсть на своего рода лиѳостротонъ (г. С.-И. не вспомнилъ, кажется, здѣсь евангельскаго разсказа о Пилатѣ, возсѣвшемъ на лиѳостротонъ и замѣнилъ послѣднее слово безсмысленнымъ „миѳостратонъ") и изречь оттуда urbi et orbi очень ужъ строгій приговоръ надъ своею собственной матерью". „Я скорѣе сказалъ бы мачехой", оговаривается г. С.-И.

Сознаетъ ли г. С.-И., что сказалъ онъ въ этой вставкѣ не только о себѣ, но и своихъ единомышленникахъ? Если принять во вниманіе, что система русскаго просвѣщенія есть почти тоже, что система русской образованности, слѣдовательно

Россія въ смыслѣ духовномъ, то называя ее не матерью, а мачехою, онъ признаетъ себя и своихъ какъ бы пасынками Россіи. Быть можетъ, это и вѣрно по отношенію къ г. С.-П., племенная и культурная генеалогія котораго мнѣ впрочемъ вовсе не извѣстна. Но другіе, большинство „342“? Ужели и они причисляютъ себя къ пасынкамъ Россіи, или хотя бы только русской школы? Ужели, напр., собравшись на Татьяну, 12 января 1905 г., въ 150-ую годовщину Московскаго университета, къ которой собственно и пріурочено было подписаніе „Записки“, по словамъ „Нашихъ Дней“,—согласились бы и они послать въ Москву адресъ къ юбиляршѣ, начинающійся словами: „Alma noverca“?..

Конечно, человѣкъ, потерявшій родную мать и оставшійся при одной мачехѣ, заслуживаетъ состраданія. Но бываютъ случаи, что неблагодарныя дѣти самовольно переименовываютъ свою мать въ мачеху. Быть можетъ, это примѣнимо и къ настоящему случаю. На это какъ будто указываетъ и фактъ, что всѣ „342“ состоятъ на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія, слѣдовательно не обижены „матерью“, а наоборотъ, посажены ею на первыя мѣста, при томъ независимо отъ ихъ русскаго, польскаго, нѣмецкаго, еврейскаго происхожденія!.. А если все-таки ихъ мать не въ Россіи, а, напримѣръ, въ Западной Европѣ, то что мѣшаетъ такимъ пасынкамъ перебраться на „тотъ берегъ“, какъ это сдѣлали нѣкогда князья Гагаринъ и Голицынъ, Мартыновъ, Герценъ и многіе другіе добровольные пасынки русской образованности?..

Во всякомъ случаѣ, признаніе г. С.-П. воскрешаетъ въ моей памяти упрекъ, брошенный нѣкогда по адресу нашихъ соотечественниковъ наблюдательнымъ французомъ:

„Vous autres Russes, vous me paraissez un peuple singulier! Les enfants d'une race noble, vous vous amusez a jouer le rôle des enfants trouvés"...

II.

Переходя къ дальнѣйшей аргументаціи г. С.-П., въ которой онъ съ одной стороны считаетъ излишнимъ, какъ для общества, такъ и для правительства, доказывать очевидныя-де „невзгоды нашего просвѣщенія", а съ другой старается это сдѣлать, на основаніи личныхъ воспоминаній и наблюденій, я долженъ замѣтить, что не считаю себя обязаннымъ опровергать наличность подобныхъ „невзгодъ", ибо въ своей замѣткѣ я упрекалъ „342" не въ неправдѣ, а лишь въ преувеличеніяхъ. Но все же, для разъясненія дѣла, я считаю не лишнимъ представить нѣсколько фактическихъ поправокъ и къ этому отдѣлу статьи г. С.-П., отражающей, вѣроятно, воззрѣнія и его единомышленниковъ. Если мнѣ удастся—какъ я надѣюсь—доказать, что представленная г. С.-П. детальная аргументація тезисовъ „Записки" страдаетъ тѣми же недоразумѣніями, преувеличеніями, пристрастіями и методологическими промахами, какіе мною отмѣчены и въ „Запискѣ", то, быть можетъ, онъ и нѣкоторые изъ его единомышленниковъ перестанутъ „удивляться" моему несогласію съ этими тезисами.

Къ числу очевидныхъ недоразумѣній, объясняемыхъ малою освѣдомленностью г. С.-И. въ оборотѣ государственныхъ дѣлъ вообще, а учебныхъ въ частности, относятся всѣ тѣ мѣста его статьи, гдѣ выражается его вѣра въ мистическое значеніе канцелярскаго сукна. Нужно-ли ему, напр., объяснить причину замедленій въ выработкѣ новаго университетскаго устава, или въ усиленіи бюджета Юрьевскаго университета, или въ проведеніи обязательности всеобщаго обученія, во всѣхъ такихъ случаяхъ секретъ отсрочекъ совершенно удовлетворительно объясняется для него стереотипной фразой: „положили подъ сукно“. Стоитъ, слѣдовательно, завести въ департаментахъ столы безъ сукна, какъ это бываетъ въ участкахъ или пивныхъ, и мы сразу получимъ новый уставъ, новый бюджетъ и обязательное обученіе!..

Какое дѣло г. С.-И. до того, что у насъ, какъ и въ странахъ конституціонныхъ, законодательные акты должны пройти свой оборотъ, сначала въ административныхъ, а потомъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ, вслѣдствіе чего, напр., наши университетскіе уставы 1835 г., 1863 г. и 1884 г. вырабатывались каждый разъ не менѣе 5—7 лѣтъ, а недавняя реформа французскихъ университетовъ, начатая въ 1883 г., была закончена лишь къ 1897 г., т. е. въ теченіи 14 лѣтъ!

Какое ему дѣло и до того, что одновременно съ новыми уставами у насъ вырабатываются и новые штаты высшихъ учебныхъ заведеній, причемъ расходы казны возростутъ вдвое, т. е. на 5—6 мил. р. въ годъ!

Ему представляется жалкою „зависимость“ министра народнаго просвѣщенія отъ министра финансовъ даже въ вопросахъ бюджетныхъ, а между тѣмъ она вполнѣ естественна и существуетъ даже въ странахъ конституціонныхъ.

Совершенно игнорируетъ г. С.-И. и столько разъ уже разъяспенныя какъ мною, такъ и другими причины „нищенскаго состоянія Юрьевскаго университета“, которыя заключаются главнымъ образомъ въ отказѣ университетскаго совѣта въ 1863 г. отъ предложенія министра народнаго просвѣщенія (отъ 5 іюля) воспользоваться штатами преобразованныхъ тогда русскихъ университетовъ, т. е. въ отказѣ отъ прибавки къ юрьевскому бюджету свыше 100,000 р. единственно по тѣмъ соображеніямъ, которыя выражаются въ латинскомъ изреченіи: timeo Danaos et dona ferentes. Нѣтъ ему дѣла и до того общеизвѣстнаго факта, что противникомъ усиленія юрьевскаго университетскаго бюджета „въ періодъ русификаціи“ былъ вовсе не министръ народнаго просвѣщенія, а министръ финансовъ, который задержалъ своимъ вліяніемъ развитіе бюджета и прочихъ университетовъ, сосредоточивъ свои усилія на роскошной постановкѣ политехникумовъ.

Что касается огромнаго вопроса объ обязательности начальнаго обученія, то сводя его трудности къ канцелярскому сукну, г. С.-П., очевидно, и понятія не имѣетъ о размѣрахъ этой трудности со стороны принципіальной и практической. Онъ не подумалъ, напр., что право государства загонять дѣтей въ школу штрафами, хотя и практикуется на Западѣ, все же противорѣчитъ общимъ пред-

ставленіямъ о свободѣ лица, семьи, общества; не подумалъ и о томъ, что обязательность обученія непремѣнно предполагаетъ его общедоступность, до которой у насъ очень еще далеко при нынѣшнемъ числѣ школъ, особенно на сѣверѣ и востокѣ, гдѣ населеніе разбросано въ тундрахъ, тайгахъ и степяхъ. Высчитано, что только на сооруженіе недостающаго количества школьныхъ зданій понадобилось бы единовременно свыше милліарда рублей. А откуда взять недостающія сотни тысячъ учителей, и какъ удержать ихъ на службѣ, когда ихъ сманиваетъ и акцизъ, и винная монополія, и другія, болѣе прибыльныя или менѣе головоломныя профессіи!

Да и основное представленіе г. С.-П. объ обязанности не семьи, не общества, не церкви, а именно государства обезпечить образовательныя потребности народа и „довести число школъ до необходимаго", притомъ не на „частныя пожертвованія", которыя онъ почему-то считаетъ „милостыней",—не подтверждается ни исторіей, ни современностью. Извѣстно, что въ теченіи многихъ вѣковъ, какъ у насъ, такъ и на Западѣ, не государство, а церковь стояла во главѣ школьной организаціи. Это и донынѣ наблюдается въ мірѣ еврейскомъ, магометанскомъ, буддистскомъ. Да и наша современная начальная школа дробится на школу государственную, церковную, земско-общественную, частную. Только соціалистическая Франція, въ борьбѣ съ церковью, провозгласила принципъ государственной монополіи въ школьной области, но далеко еще не успѣла провести его на дѣлѣ. Въ Англіи

же, какъ извѣстно, до недавняго времени не было и особаго министерства народнаго просвѣщенія, а когда оно возникло и стало вмѣшиваться въ школьныя дѣла, то вызвало сильный протестъ со стороны общества, особенно въ группахъ конфессіональныхъ.

Насколько же хромаетъ школьная статистика г. С.-П., видно хотя бы изъ его увѣренія, будто у насъ „на народное образованіе тратится меньше, чѣмъ на скаковыхъ лошадей". Если бы онъ взялъ въ руки хотя бы „Всеподданнѣйшій отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1902 годъ" (стр. 485), то убѣдился-бы что на содержаніе начальныхъ училищъ въ этомъ году отпущено было 33.484.356 р. Если къ этому прибавить еще расходы по церковнымъ школамъ, которые уже въ 1900 г. по „Отчету оберъ-прокурора" достигали 14.552,775 р., то получается сумма почти въ 48 милл., въ томъ числѣ до 11 мил. изъ средствъ казны.

Едва ли правительство и общество расходуютъ у насъ столько на „скаковыхъ лошадей"!

Слабое знакомство г. С.-П. съ тѣмъ, что собственно называется образованіемъ, отражается и въ его утвержденіи, будто Японія „къ нашему стыду" „превзошла насъ въ смыслѣ образованія". Имѣется уже достаточно данныхъ для сужденія объ этомъ образованіи, при чемъ оказывается, что во 1-хъ, оно достигнуто не въ столь ужъ „короткое время", ибо Японія, совмѣстно съ Китаемъ, принадлежитъ къ числу очень древнихъ культурныхъ странъ, особенно по части формъ и техники, и что, во-2-ыхъ, чисто внѣшнее образованіе японцевъ нельзя и сравни-

вать съ тѣмъ, что разумѣется подъ общимъ образованіемъ въ школѣ христіанской. Легче вѣдь развить въ душѣ школьника мораль хищничества, чѣмъ любовь къ ближнему и высшіе идеалы человѣчества! Къ японцамъ и ихъ образованію мы можемъ примѣнить французское изреченіе: il est grand dans son genre, mais son genre est petit. Въ одномъ, къ сожалѣнію, японцы дѣйствительно оставили насъ позади: въ патріотической солидарности въ готовности подчинять личные интересы и вкусы интересамъ расы, въ острочкѣ до позднѣйшаго времени партійныхъ счетовъ, которые у насъ разыгрались въ настоящую вакханалію, къ величайшему ущербу и арміи, и отечества.

III.

Но самымъ наглядпымъ доказательствомъ недостаточной освѣдомленности г. С.-П. въ вопросахъ народнаго образованія служитъ его взглядъ на потребности нашихъ университетовъ. Сдѣлавъ оговорку, что совсѣмъ не понимаетъ того, что я подразумѣваю подъ „полной университетской автономіей“, онъ развиваетъ свой собственный взглядъ на эту автономію: подъ ней онъ „понимаетъ-де такое положеніе, когда профессора и всѣ чины университета избираются самимъ совѣтомъ, когда совѣтъ распоряжается своими средствами, когда студенты являются отвѣтственными только передъ университетомъ,—словомъ, когда на каждую мелочь не приходится спрашивать разрѣшенія попечителя или министра“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ г. С.-П. выражаетъ недоумѣніе, почему бы такой автономный университетъ не могъ получать отъ казны деньги и выдавать дипломы? Послѣднее онъ считаетъ впрочемъ не особенно нужнымъ и даже называетъ „теперешніе дипломы фальсификаціей".

Въ этихъ утвержденіяхъ скрывается, очевидно, цѣлый рядъ недоразумѣній. Мой взглядъ на „полную университетскую автономію" не показался бы ему „непонятнымъ", если бы онъ обратилъ вниманіе на то, что сказано мною двумя строчками ниже: „если разумѣть подъ нею не простую, уже осуществляемую у насъ децентрализацію власти, а особую систему самоуправленія, въ родѣ земскаго или городского". Изъ этихъ словъ г. С.-П. можетъ видѣть, что и я не сторонникъ нынѣшняго университетскаго строя, а сочувствую успленію круга вѣдомства университетовъ въ тѣхъ границахъ, какія допускаются самой широкой децентрализаціей власти. Въ этомъ онъ можетъ убѣдиться, при желаніи, изъ „Трудовъ" Высоч. учрежд. комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній 1902 г. (т. I стр. 236), гдѣ я между прочимъ высказался и за освобожденіе университетовъ отъ власти попечителя, съ подчиненіемъ ихъ непосредственно министру. Къ сожалѣнію, названная комиссія заняла по этому вопросу положеніе очень шаткое: въ одномъ засѣданіи она значительнымъ большинствомъ высказалась за эманципацію университетовъ отъ попечителя (5 ноября 1902 г.), а въ другомъ—не меньшимъ большинствомъ—за сохраненіе его власти (17 декабря)!..

Но, съ другой стороны, я не вижу ни въ теоріи, ни въ исторіи основаній для превращенія нашихъ университетовъ, какъ учрежденій государственныхъ, въ нѣкія самоуправляющіяся общества, зависимость которыхъ отъ государства ограничивалась бы полученіемъ содержанія да „представленіемъ отчетовъ“, и гдѣ все управленіе принадлежало бы совѣту.

Въ теоріи такая комбинація мало понятна потому, что мы привыкли различать государство и общество, учрежденія казенныя и общественныя, причемъ послѣднія, напр. управленія земскія, городскія и т. п. содержатся не на государственныя средства и не могутъ функціонировать, какъ органъ государства, при раздачѣ правъ на службу. Если же частныя учрежденія, напр. школы, пожелаютъ пріобщиться къ этой государственной функціи, то онѣ неизбѣжно должны поступиться частью своей автономіи и подчиниться до нѣкоторой степени государству—при утвержденіи личнаго состава, плановъ и программъ преподаванія, при производствѣ испытаній и т. п. Получаются, такимъ образомъ, заведенія смѣшаннаго характера: полуавтономныя и полу-государственныя. Понятно, что и университеты могли бы сложиться по этому типу, если бы они содержались на частныя средства, въ родѣ напр. прежняго московскаго Лицея Цесаревича Николая. Но доколѣ содержаніе университетовъ будетъ падать на казну, а ихъ дипломамъ присвоены права по государственной службѣ, дотолѣ они должны считаться учрежденіями не общественными, а государственными, хотя и снабженными самыми обширными полномочіями.

Но, сверхъ теоріи, и исторія нашихъ университетовъ не говоритъ въ пользу стремленій къ ихъ „полной автономіи“. У насъ въ сущности такой автономіи никогда еще не было, ибо даже по уставу 1863 г., который считается прототипомъ нашей университетской автономіи, правительство имѣло право утверждать или не утверждать избранныхъ факультетами, совѣтомъ, правленіемъ должностныхъ лицъ университета; въ особыхъ случаяхъ могло и само ихъ назначать (напр. профессоровъ по § 72). Попечителю или министру предоставлялось утвержденіе или неутвержденіе составленныхъ университетскими коллегіями правилъ. Уставъ гражданской службы распространялся въ такой же мѣрѣ на профессоровъ, какъ и на прочихъ должностныхъ лицъ по опредѣленію отъ правительства. Такимъ образомъ, о полной автономіи тогдашняго университета и рѣчи быть не можетъ.

Съ другой стороны, не находитъ для себя прецедентовъ въ исторіи нашихъ университетовъ и рекомендуемая г. С.-И. роль совѣта въ средѣ другихъ университетскихъ коллегій. Такъ, по уставу 1863 г. правленіе въ дѣлахъ хозяйственныхъ было поставлено настолько же самостоятельно, какъ совѣтъ въ дѣлахъ учебныхъ. Сохраняли долю своей самостоятельности и факультеты въ вопросахъ научныхъ, а отчасти и личныхъ, напр. избирали декановъ, а равно и профессоровъ (въ первой инстанціи). И университетскій судъ по уставу 1863 г. былъ довольно независимъ отъ совѣта въ своихъ рѣшеніяхъ, что впрочемъ требуется и принципомъ раздѣленія властей.

Въ проектѣ новаго университетскаго устава, выработанномъ особой комиссіей въ 1902 г. и столь симпатичномъ г. С. И., замѣчается, правда, стремленіе гипертрофировать совѣтъ за счетъ факультетовъ и правленія, но все же и тамъ отмежевань еще послѣднимъ извѣстный кругъ отвѣтственныхъ распоряженій. Да и должностныя лица университета не являются еще по проекту 1902 г. столь обезличенными, какъ въ предположеніяхъ г. С.-П.

Во всякомъ случаѣ, столь полнаго захвата совѣтомъ и законодательной, и административной, и судебной власти, какой намѣчается нынѣ г. С.-П. и нѣкоторыми его единомышленниками, въ числѣ которыхъ нельзя не упомянуть о нынѣшнемъ совѣтскомъ большинствѣ Московскаго университета, — никогда еще въ Россіи не было.

А между тѣмъ крушеніе нашего автономнаго устава 1863 г., обусловленное въ значительной мѣрѣ своеволіемъ университеткаго совѣта, должно бы служить предостереженіемъ для будущаго. Если университетъ есть учрежденіе научное и учебное, а не политическое, то онъ долженъ опираться прежде всего на коллегіяхъ научныхъ. Таковыми же являются факультеты. Для дѣлъ хозяйственныхъ и текущей администраціи вовсе не нужна столь многолюдная коллегія, какъ сходъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, которыхъ уже теперь набирается кое-гдѣ до 90 человѣкъ. Для подобныхъ функцій достаточна меньшая коллегія, составленная, напримѣръ, изъ декановъ и по 2—по 3 делегата отъ каждаго факультета, какъ это видимъ въ „сенатѣ“ или

„маломъ совѣтѣ“ западныхъ университетовъ. Для „совѣта же большого“ осталась бы роль общаго представительства, обсужденіе университетскихъ правилъ и, быть можетъ, избирательныя функціи по отношенію къ ректору, проректору и членамъ дисциплинарнаго суда. При такомъ размежеваніи круга вѣдомства университетскихъ коллегій сократилась бы, вѣроятно, въ нихъ и игра въ политику личную и государственную—главнымъ полемъ которой и является обыкновенно совѣтъ. При ослабленіи же такой игры въ средѣ профессоровъ не могла бы она столь широко развиваться среди приватъ-доцентовъ и ассистентовъ, а за ними и среди студентовъ, какъ это наблюдается нынѣ.

IV.

Мнѣ кажется, что научная жизнь нашихъ университетовъ скорѣе вошла бы въ свое ложе, если бы мы ближе держались тѣхъ нормъ, которыя выработались на Западѣ, гдѣ университеты зародились и развиваются органичнѣе, чѣмъ у насъ. Такъ какъ и г. С.-П. выразилъ желаніе, чтобы я указалъ «законы или правила, связывающіе профессоровъ во Франціи“, то я готовъ пойти ему на встрѣчу и познакомить читателя въ общихъ чертахъ съ тѣми формами, въ какихъ выражается нынѣ автономія университетовъ западныхъ, особенно нѣмецкихъ и французскихъ.

Въ средніе вѣка, когда въ составѣ государства находилось столько автономныхъ организацій, подъ наименованіемъ гильдій, цеховъ, корпорацій, суще-

ствовали и автономные университеты, обыкновенно въ составѣ двухъ независимыхъ корпорацій: учащихъ и учащихся. Не получая отъ государства содержанія и не участвуя въ раздачѣ государственныхъ правъ, корпораціи эти имѣли самоуправленіе, находясь въ нѣкоторой зависимости скорѣе отъ церкви, чѣмъ отъ государства. Нѣчто подобное донынѣ уцѣлѣло въ Англіи, откуда пересажено и въ С. Америку. Въ другихъ же странахъ подобный типъ университета встрѣчается лишь въ такъ называемыхъ „университетахъ вольныхъ", (les universités libres), какихъ наберется дюжина во Франціи, Бельгіи, Италіи,—главнымъ образомъ подъ управленіемъ латинскихъ епископовъ и папы. Но не въ этихъ университетахъ сосредоточивается движеніе западной науки, а наоборотъ, въ университетахъ государственныхъ, возникшихъ со временъ реформаціи, по почину отчасти городовъ, но главнымъ образомъ свѣтскихъ государей. Такъ какъ главную роль пришлось играть при этомъ университетамъ нѣмецкимъ, которые послужили образцомъ и для русскихъ, то я и остановлюсь прежде всего на нѣмецкомъ пониманіи университетской автономіи.

Во главѣ нѣмецкаго университета стоитъ обыкновенно почетный опекунъ, называемый куратором. Онъ назначается государемъ соотвѣтственной области и принимаетъ довольно дѣятельное участіе въ университетскомъ управленіи, особенно по дѣламъ хозяйственнымъ. Рядомъ съ куратором въ составѣ университетскаго управленія стоитъ еще другое важное лицо, синдикъ или уни-

верситетскій судья, который также назначается государемъ, присутствуетъ въ университетскомъ сенатѣ, на правахъ прокурора, и судитъ студентовъ въ дѣлахъ дисциплинарныхъ, въ первой инстанціи. По сравненію съ этими двумя сановниками, къ которымъ можно еще, пожалуй, прибавить университетскаго секретаря, ректоръ университета, избираемый ежегодно по очереди факультетовъ, является должностнымъ лицомъ скорѣе декоративнаго характера

Ординарные профессоры назначаются въ Германіи по указамъ главы государства, а экстраординарные непосредственно министромъ народнаго просвѣщенія. При этомъ государи обыкновенно выслушиваютъ мнѣніе университета, или вѣрнѣе факультета, но вовсе не обязаны имъ руководиться. Извѣстный берлинскій профессоръ Фридрихъ Паульсенъ, въ прекрасномъ сочиненіи о нѣмецкихъ университетахъ (Paulsen, Die deutschen Universitäten, Berlin 1902 г. стр. 101), вычислилъ, что прусское правительство въ періодъ времени отъ 1817—1900 г. назначило: на богословскихъ факультетахъ изъ 311 ординарныхъ профессоровъ не менѣе 102 помимо факультета или вопреки ему; на юридическомъ таковыхъ было изъ 432 не менѣе 86, а на медицинскомъ изъ 612 не менѣе 136.

Въ числѣ подобныхъ, на нашъ взглядъ ненормально назначенныхъ профессоровъ, были такія свѣтила нѣмецкой науки, какъ Holtzendorff, Joh. Müller. Purkinje, A. v. Gräfe, Helmholz, Leopold Ranke... Что и въ другихъ германскихъ государствахъ возможны такіе случаи, доказываютъ недавнія назна-

ченія въ Вюрцбургѣ проф. Хруста, а въ Страсбургѣ проф. Шпана, вопреки протестамъ факультетовъ.

Условность нѣмецкой университетской автономіи отражается и въ правительственномъ наблюденіи за экзаменами, особенно государственными, которые производятся внѣ университета, въ особыхъ комиссіяхъ. Въ Австро-Венгріи, гдѣ и государственные экзамены производятся при факультетахъ, на нихъ обязательно присутствуетъ правительственный комиссаръ.

Что же касается размежеванія въ нѣмецкихъ университетахъ круга вѣдомства между особыми коллегіями, то въ вопросахъ научныхъ и педагогическихъ центръ тяжести лежитъ тамъ въ собраніяхъ факультетскихъ, а по дѣламъ административнымъ и хозяйственнымъ—въ факультетскихъ делегаціяхъ, именуемыхъ сенатомъ. Кое-гдѣ существуютъ при сенатѣ особыя комиссіи для дисциплинарнаго суда надъ студентами. Общія же собранія профессоровъ (plenum), если и существуютъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ университетахъ, то собираются лишь изрѣдка, для обсужденія новыхъ правилъ, или для выбора ректора.

Что касается нѣмецкаго взгляда на отношеніе профессоровъ къ политикѣ, то онъ ясно отражается въ слѣдующихъ выпискахъ изъ указаннаго сочиненія проф. Паульсена: „О нѣмецкихъ университетахъ“:

„Какъ отъ профессора богословскаго факультета требуется положительное отношеніе къ религіи и церкви, такъ отъ профессора по государственнымъ наукамъ—положительное отношеніе къ народу и

государству. Кто относится враждебно къ этому народу... или къ исторически сложившейся формѣ его государственной жизни... тотъ, какъ честный человѣкъ, не можетъ принять изъ рукъ этого народа и этого государства порученія, въ которомъ предполагаются его сохраненіе и благополучіе... Теоретика-анархиста... ни одно государство не можетъ допустить къ такой дѣятельности, или терпѣть въ ней... Доколѣ соціальная демократія видитъ свою славу въ революціонной непримиримости, въ стремленіи ниспровергнуть существующій государственный и правовой порядокъ, дотолѣ ни одинъ профессоръ, какова бы ни была его спеціальность, не можетъ пристать къ этой партіи, не выходя одновременно въ отставку... Ни республика, ни монархія не можетъ назначить на такую должность лицо, которое ставитъ своей задачей разрушеніе ихъ основного строя, при чемъ, конечно, не разумѣются улучшенія въ рамкахъ этого строя" (стр. 313—317)....

„Еще разъ повторяю, въ службѣ университетской само собою предполагается, что университеты, какъ отвѣтственные дѣятели, не втягиваются въ политику дня: иначе они утратили бы свою независимость и объективность. Какъ судебное вѣдомство устраняется отъ политики въ интересахъ справедливости... такъ должны быть устраняемы отъ подобныхъ вліяній послѣдователи и преподаватели, въ интересахъ и совѣсти и правды, которыя должны стоять выше временныхъ расчетовъ политики" (стр. 333).

Въ университетахъ французскихъ ректоръ, или вѣрнѣе президентъ университетскаго совѣта, назначается правительствомъ, обыкновенно изъ посторонихъ сановниковъ, напоминая куратора германскихъ университетовъ. При назначеніи же профессоровъ президентомъ республики, на его усмотрѣніе представляются министромъ, сверхъ кандидатовъ факультета, еще кандидаты „постоянной секціи высшаго совѣта народнаго просвѣщенія", а въ нѣкоторыхъ случаяхъ также кандидаты соотвѣтственной академіи французскаго института и самого министра.

Въ организаціи коллегіи нынѣшняго французскаго университета центральное положеніе занимаютъ факультеты, а для дѣлъ между-факультетскихъ, административныхъ, хозяйственныхъ и судебныхъ — немноголюдный conseil de l'université, состоящій изъ делегатовъ факультетовъ и директоровъ существующихъ при университетѣ высшихъ школъ. Общія же собранія университетовъ (assemblée) собираются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Дѣятельность профессоровъ контролируется до извѣстной степени особымъ генеральнымъ инспекторомъ, отзывы котораго принимаются въ соображеніе и при повышеніи профессоровъ по должности.

О юридическомъ же положеніи французскаго университета можно судить по слѣдующимъ выпискамъ изъ докладовъ (rapports) извѣстныхъ французскихъ ученыхъ акад. Ліара (Liard) и проф. Лависса (Lavisse), напечатанныхъ въ видѣ моти-

вовъ къ декретамъ отъ 21, 22 и 31 іюля 1897 г. о преобразованіи французскихъ университетовъ:

...„Научное изслѣдованіе должно быть свободно; оно признаетъ своимъ закономъ лишь требованія метода, которыя не могутъ быть опредѣляемы правительствомъ. Но, съ другой стороны, во Франціи образованіе—низшее, среднее и высшее—является если и не монополіей государства, то все же одной изъ его функцій. Преподаватели—государственные органы (agents), слѣдовательно до извѣстной степени подчинены правительству... Что касается ихъ гражданской жизни, то она не имѣетъ другихъ ограниченій, другой опеки, кромѣ той, которая опредѣляется законами страны и конституціоннымъ принципомъ министерской отвѣтственности.

...„По законамъ французскіе университеты не причисляются къ тѣмъ общеполезнымъ учрежденіямъ, которыя независимы отъ государства и только субвенціонируются имъ; наоборотъ, это органы государства, но органы, одушевленные собственною жизнью и находящіе въ своихъ гражданскихъ правахъ средства для лучшаго выполненія научныхъ функцій“ (Liard).

...„Университетъ есть государственное учрежденіе, управляемое министромъ подъ его отвѣтственностью. Ему должно быть предоставлено рѣшеніе по всѣмъ вопросамъ, которые соприкасаются съ министерской отвѣтственностью“ (Lavisse).

При такомъ юридическомъ положеніи французскаго университета понятно, что планы преподаванія въ немъ, программы, а также положенія объ испытаніяхъ на государственныя ученыя сте-

пени регулированы тамъ съ величайшимъ педантизмомъ. Даже дипломъ на государственную ученую степень выдается во Франціи не деканомъ или ректоромъ, а министромъ, который имѣетъ право и кассировать этого рода факультетское производство, по причинамъ формальнымъ или нравственнымъ. Только присужденіе „университетскихъ“ ученыхъ степеней, не связанныхъ съ государственными правами, обставлено меньшими формальностями.

Что касается университетовъ вольныхъ, то они не имѣютъ права выдавать государственныхъ дипломовъ. Тѣмъ не менѣе органы министерства народнаго просвѣщенія наблюдаютъ, чтобы и въ нихъ преподаваніе „не противорѣчило нравственности, конституціи и законамъ“.

Университеты швейцарскіе имѣютъ кантонный характеръ и слѣдовательно зависятъ отъ кантонныхъ правительствъ и органовъ. Подъ высокопарными наименованіями: Staatsrat, Erziehungsrat, conseil d'état, département de l'instruction publique и т. п. правительства эти соотвѣтствуютъ приблизительно тому, что у насъ называется губернскимъ, или чаще (при незначительности территоріи многихъ кантоновъ и ихъ населенія) уѣзднымъ правленіемъ. Съ этими-то правительствами профессора университетовъ должны заключать своего рода контракты, обыкновенно на 5—10 лѣтъ, съ довольно строгими требованіями и крайне малымъ жалованьемъ. Миніатюрные кантонные „департаменты“ и „совѣты“ предоставляютъ себѣ право утверждать росписаніе лекцій, планы преподаванія, его программы и т. п. Не-

рѣдко они и увольняютъ профессоровъ до срока, предупредивъ только объ этомъ за полгода.

О нынѣшнемъ положеніи итальянскихъ, голландскихъ и англійскихъ университетовъ имѣются новыя данныя въ статьѣ профессора Деревицкаго, напечатанной въ „Трудахъ университетской комиссіи 1902 г. (т. III, стр. 227 и слѣд.). По этимъ свѣдѣніямъ итальянскіе университеты автономіей не пользуются ни по старому уставу 1859 г., ни по новому 1902 г. Послѣдній, по словамъ профессора Деревицкаго, „стремится, напротивъ, къ полному подчиненію университетовъ центральному учебному управленію". Особенно ярко отражается это въ способѣ назначенія итальянскихъ профессоровъ на вакантныя каѳедры: ни факультетъ, ни совѣтъ не имѣетъ при этомъ голоса: результатъ объявляемыхъ правительствомъ конкурсовъ зависитъ прежде всего отъ особой комиссіи экспертовъ, назначаемой министромъ изъ указанныхъ профессорами кандидатовъ; во второй инстанціи заключеніе экспертовъ разсматривается въ „высшемъ совѣтѣ народнаго просвѣщенія", рѣшеніе же принадлежитъ королю, по докладу министра. Между университетскими коллегіями имѣютъ значеніе только факультетскіе совѣты и особый „академическій совѣтъ", соотвѣтствующій нѣмецкому сенату и состоящій изъ ректора и декановъ текущаго термина и предшествовавшаго ему, а также изъ директоровъ состоящихъ при университетѣ высшихъ школъ. „Генеральная же ассамблея" профессоровъ (нашъ совѣтъ) собирается лишь изрѣдка, для обсужденія преобразованій въ строѣ учебнаго

дѣла и выбора ректора изъ трехъ кандидатовъ, выставленныхъ очереднымъ факультетомъ. Но окончательное рѣшеніе о ректорѣ принадлежитъ усмотрѣнію короля (т. III, стр. 238).

II голландскіе университеты, по наблюденіямъ г. Деревицкаго, „автономіей не пользуются". Профессора назначаются королевою, которая обыкновенно руководится рекомендаціей подлежащаго факультета, но юридически не стѣснена въ своемъ выборѣ. Ректоръ ежегодно назначается въ извѣстной очереди по старшинству службы. Власть его въ управленіи университетомъ ограничена „совѣтомъ кураторовъ", которые являются органомъ правительственнаго контроля. Академическій сенатъ не играетъ значительной роли (III, 228).

Только въ Англіи сохранилось нѣсколько автономныхъ университетовъ, содержимыхъ на частныя средства. Но и тамъ носителями автономіи являются не наличные лишь профессоры, но и многія другія лица, въ томъ числѣ бывшіе студенты соотвѣтственнаго университета и удостоенные имъ ученой степени. Въ Оксфордскомъ университетѣ въ 1902 г. такихъ лицъ насчитывалось 6,316, а въ Эдинбургскомъ—9,010 (т. III, стр. 242 и 247). Въ этой огромной корпораціи или ученой республикѣ очень важную роль играютъ избираемые, отчасти пожизненно, сановники, именуемые канцлерами, вице-канцлерами, принципалами, ректорами, сенешалами и др. Студенческій же режимъ въ англійскихъ и шотландскихъ университетахъ поражаетъ своею строгостью. Что касается государственныхъ экзаменовъ, то для производства ихъ существуютъ въ Великобританіи

особые, государственные университеты, гдѣ довольно строго проводится извѣстный и во Франціи принципъ, что профессоръ не можетъ экзаменовать своего слушателя. Но и дипломы государственныхъ университетовъ не обезпечиваютъ еще для молодежи доступа къ профессіямъ: при этомъ приходится соискателямъ еще разъ подвергаться испытаніямъ въ разнаго рода комиссіяхъ—педагогическихъ, юридическихъ, медицинскихъ и др.

О нынѣшнемъ же положеніи новоучрежденныхъ государственныхъ университетовъ Сѣверной Америки имѣется слѣдующій компетентный отзывъ профессора Перри (Perry, Monographs on Education in the United States ed. by M. M. Butler, I. 277):

...„Благодаря постояннымъ измѣненіямъ законодательной власти и эгоизму вождей партій, эти университеты стали ихъ игрушкой и, за немногими изъятіями, превратились въ нѣчто искалѣченное: дѣльные и мужественные профессоры, которые не желали мѣнять своихъ воззрѣній въ духѣ господствующей партіи, были вытѣснены изъ каѳедръ самыми позорными махинаціями“...

Приведя эту цитату, профессоръ Паульсенъ (стр. 317) прибавляетъ отъ себя:

...„Этого достаточно, чтобы университеты не особенно воодушевлялись въ пользу измѣненія нынѣшняго государственнаго строя, дѣйствующаго по формальнымъ началамъ права, въ тотъ соціальный режимъ, который будетъ руководиться произволомъ, опираясь на общихъ выборахъ... Правительство, задавленное подобными элементами, никогда не будетъ чувствовать симпатіи къ истинной

наукѣ. Партійная черпь можетъ лишь ненавидѣть и преслѣдовать выдающихся людей, которые отказываются ей льстить или къ ней подлаживаться".

V.

Переходя затѣмъ отъ педагогики къ политикѣ, я не могу не отмѣтить и въ этой области нѣкоторыхъ поспѣшныхъ и пристрастныхъ выводовъ г. С.-И.

Такъ, способъ объясненія имъ студенческихъ и гимназическихъ волненій, очевидно, продиктовалъ ему скорѣе партійною политикою, чѣмъ трезвой педагогіей. Въ волненіяхъ этихъ онъ видитъ не болѣе, какъ реакцію противъ тяжелаго „гнета репрессалій", или „протестъ, вызванный подавленіемъ личности ученика". Не думаю, чтобы г. С.-И. могъ нынѣ гдѣ-нибудь констатировать подобныя „репрессаліи" и „подавленія"! Скорѣе онъ замѣтилъ бы въ нашихъ школахъ неумѣренныя послабленія и вызываемую ими распущенность молодежи. Да и почему не было теперь волненій какъ разъ въ военныхъ училищахъ, гдѣ еще поддерживается кое-какая дисциплина? Если бы волненія молодежи вызывались внутренними, а не внѣшними причинами, то они и выражались бы въ требованіяхъ по школьной части, а не въ резолюціяхъ объ учредительномъ собраніи, чертѣ еврейской осѣдлости и т. п. постороннихъ предметахъ. Гораздо вѣрнѣе взглянулъ на это явленіе русско-польскій авдокатъ и писатель С., который въ замѣчательныхъ монографіяхъ: I. „O naszej mlodzieży", и II. „Nasze

stronnictwa skrajne“ (Краковъ. 1902 -1903 г.), вышедшихъ подъ псевдонимомъ Scriptor, показалъ, что именно соціалистическая пропаганда охватила теперь и польскую, и русскую школу, подорвавъ въ младшемъ поколѣніи все, что завѣщано ему исторіей.

Дѣятели старшаго поколѣнія, руководящіе такой ядовитой пропагандой, оказываются эгоистичнѣе животныхъ: послѣднія прикрываютъ своихъ дѣтенышей отъ опасности, даже цѣною жизни, тогда какъ эти дѣятели употребляютъ своихъ дѣтей вмѣсто тарана, въ борьбѣ съ правительствомъ или обществомъ!

Партійныя пристрастія до того ослѣпляютъ г. С.-П., что онъ не видитъ происходящаго кругомъ и, между прочимъ, требуетъ отъ меня „фактическихъ аргументовъ“ въ подтвержденіе того, что наше общество нерѣдко пользуется школою, какъ рычагомъ для политической агитаціи. Развѣ онъ не замѣчаетъ нынѣшняго педократическаго движенія въ высшихъ и даже среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ резолюціями гимназистовъ и гимназистокъ о представительномъ правленіи, а въ Варшавѣ даже объ изгнаніи русскихъ преподавателей и замѣнѣ ихъ польскими? Вѣдь не въ головѣ же гимназистокъ зарождаются подобныя резолюціи! Для всѣхъ очевидно, что здѣсь находитъ себѣ примѣненіе нѣмецкая поговорка:

Wie die Alten sungen,

So zwitscherten die Jungen!

Недостаточная ориентированность г. С.-П. in politicis выражается и въ томъ, что, будучи ярымъ поклонникомъ новаго университетскаго устава, выработаннаго комиссіей 1902 г., онъ съ тѣмъ вмѣстѣ высказывается противъ инспекціи и ея органовъ—„безграмотныхъ сторожей"; а между тѣмъ его единомышленники, въ составѣ той же комиссіи, съ княземъ Е. Н. Трубецкимъ во главѣ, признали это полицейское учрежденіе неизбѣжнымъ и въ преобразованномъ русскомъ университетѣ („Труды комиссіи", т. II, стр. 35). Чуть ли не я одинъ настаивалъ на возможности обойтись въ университетѣ безъ этого учрежденія, путемъ возстановленія должности синдика или „университетскаго судьи", какъ это имѣетъ мѣсто въ большинствѣ германскихъ университетовъ. Тамъ же, въ Германіи, могъ бы г. С.-П. найти и опроверженіе своей мысли о непригодности для университета „безграмотныхъ сторожей". Для наблюденія за внѣшнимъ благочиніемъ въ стѣнахъ университета такіе сторожа, или вѣрнѣе педеля, куда пригоднѣе нашихъ нынѣшнихъ субъинспекторовъ, цѣлыми дюжинами слоняющихся по корридорамъ, въ унижающемъ образованнаго человѣка бездѣйствіи!

Возмущающіе г. С.-П. случаи удаленія изъ университетовъ преподавателей за неудобное для государства направленіе встрѣчаются, къ сожалѣнію, и на Западѣ. Такъ, еще недавно это произошло въ Берлинѣ, за соціалистическое направленіе, съ приватъ-доцентомъ Арономъ, по дѣлу котораго былъ даже изданъ 17 іюня 1898 г. особый законъ „о дисциплинарной отвѣтственности приватъ-доцентовъ". По этому

закону, въ числѣ взысканій за нарушеніе приватъ-доцентомъ своего долга, какъ академическаго преподавателя, при исполненіи служебныхъ обязанностей, или даже внѣ этого, если его поведеніе дѣлаетъ его недостойнымъ уваженія и довѣрія, связаннаго съ его положеніемъ,— можетъ быть и отнятіе venia legendi. И въ Австріи извѣстны случаи примѣненія подобнаго остракизма за неподходящее направленіе учителей или профессоровъ. Ему подвергся, между прочимъ, и нашъ академикъ Ягичъ, въ бытность учителемъ Загребской гимназіи, а также извѣстный археографъ Я. П. Головацкій, въ бытность профессоромъ львовскаго университета. Наконецъ, и въ нашихъ университетахъ, въ періодъ университетской автономіи, развѣ мало было случаевъ забаллотировки совѣтскимъ большинствомъ, при выборахъ на новое пятилѣтіе, неугодныхъ ему членовъ, хотя бы они были выдающимися спеціалистами!

Къ числу политически окрашенныхъ упрековъ г. С.-П. относится выраженное имъ мнѣніе, что „въ первое время русификаціи Юрьевскаго университета“ (вѣроятно, въ мое ректорство?) назначали по преимуществу лицъ „могущихъ способствовать намѣреніямъ правительства“, „въ смыслѣ подбора неоппозиціонныхъ элементовъ“. Конечно, странно было бы русскому правительству, какъ и любому другому, предпочитать лицъ, „могущихъ не способствовать его намѣреніямъ“, лицамъ, „могущимъ способствовать“ таковымъ! Но что при выборѣ на вакантныя каѳедры Юрьевскій университетъ въ ту пору не руководился „подборомъ

неоппозиціонныхъ элементовъ", это видно даже изъ „Записки 342". Въ числѣ подписавшихъ ее лицъ я встрѣтилъ цѣлый рядъ именъ, знакомыхъ мнѣ по воспоминаніямъ того „перваго времени", каковы: Н. П. Андрусовъ, В. Э. Грабарь, Д. Н. Кудрявскій, Н. П. Кузнецовъ, А. Н. Миклашевскій, В. М. Нечаевъ, І. А. Покровскій. Вѣроятно, этотъ перечень значительно возросъ бы, если бы я имѣлъ подъ рукою дополнительное заявленіе юрьевцевъ о присоединеніи къ „Запискѣ 342".

О значеніи слова „оппозиція" я не намѣренъ вступать въ пререканія съ г. С.-П. Возможно, конечно, и такая точка зрѣнія, при которой оппозиція, именно легальная, оказывается „помощь правительству", какъ это замѣчается, напр., въ англійскихъ палатахъ, гдѣ она и титулуется His Majesty's opposition. Къ сожалѣнію, у насъ это наблюдается рѣже. Въ частности, въ данномъ случаѣ приходилось слышать, что тѣ же лица, которыя подписали „Записку" или потомъ присоединились къ ней, очутились, по убѣжденію или изъ послѣдовательности, во главѣ совѣтскихъ партій, выдвигавшихъ разныя затрудненія къ возобновленію лекцій. Такимъ образомъ, они, быть можетъ и несознательно, вызвали такія грустныя явленія, какъ pronunciamento привать-доцентовъ и ассистентовъ, за ними преподавателей многихъ среднихъ школъ, а наконецъ, какъ логическій выводъ отсюда, забастовку студентовъ, что, конечно, представляется весьма спорною „помощью правительству" въ его нынѣшнихъ затрудненіяхъ.

VI.

На мой вопросъ, существуютъ-ли у насъ теперь ученые, несмотря на нынѣшній государственный нашъ строй, г. С.-И. не могъ, конечно, отвѣтить отрицательно. Наоборотъ, онъ признаетъ, что „русская наука стоитъ высоко", хотя раньше самъ усомнился, можетъ-ли быть Россія причисляема къ странамъ культурнымъ. Но онъ дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ, какимъ образомъ наличность у насъ извѣстныхъ ученыхъ подрываетъ основной тезисъ „Записки" о несовмѣстимости науки съ нашимъ государственнымъ строемъ! Быть можетъ, онъ яснѣе пойметъ мою мысль, если я скажу, что каждый русскій ученый является воплощеннымъ опроверженіемъ указаннаго тезиса. А такъ какъ въ „Запискѣ" поименно названы не менѣе 342 такихъ ученыхъ, то въ ней имѣется 342 опроверженія ея самой.

Г. С.-И. наивно спрашиваетъ, можно-ли заключать „отъ мыслей къ лицамъ", и думаетъ, что такое заключеніе будетъ „методомъ неакадемическимъ". Но онъ очевидно, забылъ, что его спеціальность - зоологія, гдѣ такое заключеніе конечно невозможно, за отсутствіемъ въ царствѣ животныхъ и мыслей и лицъ,—не есть еще синонимъ академической науки. Въ наукахъ же историческихъ и историко-литературныхъ нѣтъ ничего обычнѣе, какъ заключеніе отъ мыслей къ мыслителю, отъ произведенія къ автору, отъ Иліады къ Гомеру. Да иначе, еслибы заключеніе отъ мыслей къ лицамъ и, наоборотъ, отъ лицъ къ мыслямъ, было методомъ не академическимъ, то какую цѣль и смыслъ могло бы имѣть скрѣпленіе „Записки" подписями 342 лицъ?

Очевидно, они хотѣли показать, что сверхъ мыслей, не особенно обильныхъ, этой „Записки", которая, вѣроятно, и вышла изъ-подъ пера одного только лица,—скрывается за этой „декларацiей" еще много другихъ мыслей, невольно воскресающихъ въ памяти по ассоцiативнымъ связямъ съ этими десятками и сотнями именъ, насколько, конечно, они знакомы читателю...

Что же касается непонятной для г. С. И. связи нашего застарѣлаго „чужебѣсiя" съ нынѣшними западническими стремленiями нашихъ преобразователей, къ которымъ, вслѣдъ за земствами и думами, примкнули и „342 ученыхъ", то, признаюсь, я не имѣю надежды разъяснить этотъ пунктъ г. С. И. Для его пониманiя необходимо хоть нѣкоторое знакомство съ исторiей русской образованности. Между тѣмъ, онъ даже отрицаетъ ее, сомнѣваясь въ возможности причислить Россiю къ „странамъ культурнымъ". Какъ же намъ тутъ столковаться? Быть можетъ, всего проще будетъ посовѣтовать г. С.-И., какъ бiологу, ближе познакомиться съ сочиненiемъ его товарища по специальности Н. Я. Данилевскаго: „Европа и Россiя", гдѣ онъ можетъ найти подробное разъясненiе вопросовъ: существуетъ ли русская культура? отличается-ли она отъ западноевропейской? можетъ ли послѣдняя, по законамъ бiологiи, пересаживаться къ намъ путемъ механической прививки, или, наоборотъ, предполагаетъ медленный процессъ органическаго всасыванiя и переработки внутренними силами русской народности?.. Лишь тогда, обдумавъ все это, быть можетъ и г. С.-И. дойдетъ до сознанiя, что существуетъ

органическая связь между различными этапами и формами россійскаго „чужебѣсія", которое начинается чуть ли не съ призванія варяговъ (если это не легенда) и на протяженіи вѣковъ, особенно со временъ Петра Великаго. Анны Іоанновны, Петра III. Александра I. тянется красною нитью по всѣмъ періодамъ нашей культурной исторіи! Къ фактамъ подобнаго чужебѣсія отнесетъ. вѣроятно, тогда и г. С.-П. нашу чаадаевщину, затѣмъ—западничество, а наконецъ—нынѣшній нашъ конституціонализмъ различныхъ оттѣнковъ.

Очень наглядно изображена такая именно генеалогія нашей современной смуты въ статьѣ г. Л.: „Культурное завоеваніе" (№ 7 „Церковнаго Вѣстника"). откуда я позволяю себѣ заимствовать двѣ, три выписки:

„Въ нынѣшнихъ общественныхъ волненіяхъ на первый взглядъ можетъ казаться, будто благородныя силы извѣстной части нашей интеллигенціи ратуютъ противъ зла, хотятъ блага и свѣта. И сами они, эти ратующіе, считая въ своей исключительности свое міровоззрѣніе единственно возможнымъ, послѣднимъ словомъ науки, конечнымъ выводомъ историческихъ законовъ и т. п. искренно видятъ себя носителями и представителями всякаго преуспѣянія, а насъ считаютъ или людьми, продавшими совѣсть жидейскому положенію, или людьми недомыслія, людьми отсталыми. А мы, между тѣмъ, лучше ихъ можемъ оцѣнить, въ чемъ у нихъ дѣло, потому что понимаемъ и ихъ и себя. У насъ съ ними два раздѣльныхъ міросозерцанія. Ими отвергнута идея народности, какъ идея отсталая, которая, благодаря

прогрессу, уже растворилась въ высшемъ, космополитическомъ идеалѣ всечеловѣчества. Для насъ она—идея единственно правильнаго и законосообразнаго всечеловѣческаго развитія, идея драгоцѣннѣйшая, залогъ духовной самобытности и оригинальности въ человѣчествѣ, залогъ духовнаго бытія, залогъ самой наличности духовной жизни...

...„Такъ и въ примѣненіи къ настоящимъ вопросамъ,—сознаемъ-ли мы, русскіе люди, въ чемъ дѣло? Дѣло теперь въ томъ, что государство наше, которое доселѣ было народнымъ, хотятъ сдѣлать отвлеченно-юридическимъ; правительство наше, доселѣ являвшее себя народно-русскимъ, хотятъ ограничить представительствомъ, не связаннымъ народностью; гости и жильцы земли русской хотятъ заявить себя равноправными ея хозяевами, и сыны Россіи, культурно покоренные чужими идеями, дружно работаютъ съ ними за одно...

...„Да, мы подверглись культурному завоеванію; чужое міровоззрѣніе захватило насъ, пока мы спали; оно пропитало нашу науку, овладѣло печатью, полонило наши общественныя и политическія воззрѣнія, подчинило себѣ даже нравственныя наши убѣжденія, -благо они лежали у насъ безъ дѣла,—и вишитъ намъ кромѣ себя некого!..

„Но опасность близка. Конечно, придетъ пора, русскіе люди проснутся, проснутся несомнѣнно и неминуемо, но уже отъ толчка крушенія. Ждать ли намъ такого безпадежнаго отрезвленія“?!...

Лишь подъ условіемъ нѣкотораго выясненія себѣ г. С.-И-омъ понятія о томъ, въ чемъ заключаются культурныя различія Греціи отъ Рима. Ви-

зантіи отъ Запада средневѣкового, а Россіи отъ современнаго, хотя бы по сочиненію В. И. Ламанскаго: „Три міра“, могли бы мы столковаться съ нимъ и о томъ, почему русская жизнь можетъ и впредь развиваться въ своемъ старомъ историческомъ ложѣ, вмѣсто того, чтобы перелиться въ фарватеръ западный, проложенный на почвѣ завоеванія и феодализма. Почему онъ думаетъ, что спасеніе Россіи заключается въ западныхъ формахъ государственной жизни, а не въ какихъ нибудь иныхъ, напр. тѣхъ, которыя выросли изъ культуры эллинской, на почвѣ восточнаго христіанства, и черезъ Византію перешли въ Москву, какъ политическій укладъ греко-славянскаго культурнаго міра? Почему безъ рекомендуемыхъ земцами и „342“ реформъ западнаго типа русскій народъ „долженъ скоро исчезнуть съ лица земли“? Вѣдь съ такимъ же правомъ можно было предсказать въ древности, что демократическія Аѳины исчезнутъ, не принявъ спартанской аристократіи, или въ средніе вѣка предсказать гибель всѣмъ народамъ, не усвоившимъ себѣ феодализма, а въ концѣ XVIII в. всѣмъ, кто остался въ сторонѣ отъ французской революціи! Все это одно доктринерство, которое не желаетъ считаться съ фактами ни этнологіи, ни народной психологіи, ни культурной исторіи.

Я не сомнѣваюсь, что большинство 342 „вѣритъ въ русскій народъ“ и „желаетъ ему блага“. Но почему же они не позаботятся прежде всего о томъ, чтобы узнать душу и думу этого народа, вмѣсто

того, чтобы навязывать ему свою думу и совершенно чуждыя ему формы жизни?

II г. С.-П. сознается, что подписавшіеся подъ „Запиской" составляютъ всего „треть педагогическаго персонала учебныхъ заведеній". Такъ почему же они считаютъ себя въ правѣ игнорировать двѣ трети своихъ товарищей, не говоря уже про 99% въ средѣ массъ русскаго народа? Не означаетъ ли это ставить свои взгляды, свое понятіе о свободѣ и „нормальныхъ условіяхъ работы", свои кружковые интересы выше всего „русскаго народа" и „его блага"? Не могу не привести по этому поводу трогательныхъ словъ Д. И. Менделѣева въ некрологѣ: „Памяти А. Л. Потылицына" („Новое Время" 28 февраля):

„Родину, науку и правду никогда, даже въ минуты юношескаго увлеченія, онъ (Потылицынъ) не забывалъ; свободы желалъ не для себя, а для трехъ упомянутыхъ величинъ, которымъ онъ и посвятилъ свою жизнь. Свои личныя или кружковыя настроенія или соображенія онъ не предпочиталъ указаннымъ тремъ величинамъ. Зная Алексѣя Лаврентьевича съ юношества и видѣвшись съ нимъ едва ли больше, чѣмъ съ мѣсяцъ назадъ, я знаю, какъ онъ горячо принималъ къ сердцу все то, что относится къ русскимъ успѣхамъ, и слышалъ отъ него рѣзкія осужденія не только забастовкамъ, но и смѣшенію педагогическихъ и научныхъ областей съ политическими. *Имена ему подобныхъ и быть не можетъ въ заявленіи трехсотъ сорока двухъ русскихъ ученыхъ*"...

Къ этимъ вѣскимъ словамъ маститаго нашего ученаго и мыслителя я позволилъ бы себѣ сдѣлать

лишь одну оговорку: мнѣ кажется, я даже твердо убѣжденъ, что между „342“ есть много искреннихъ русскихъ народолюбцевъ. Но они увлечены были въ данномъ случаѣ стихійнымъ порывомъ, подъ вліяніемъ сильной и хорошо организованной инородческой группы; отчасти же они видѣли въ резолюціи проявленіе героизма, который всегда имѣетъ свою цѣну, хотя на этотъ разъ для него, конечно, нашелся бы и другой исходъ, болѣе благопріятный для русскаго народа и его образованности.

VII.

Г. С.-П. упрекаетъ меня въ томъ, что не откликнувшись на „зовъ земли“ (вѣроятно, земскаго съѣзда), я обнаружилъ „незнаніе исторіи и непониманіе русской жизни“, особенно же того бюрократическаго строя, который, по мнѣнію г. С.-П., повиненъ во всѣхъ нынѣшнихъ бѣдствіяхъ Россіи,— между прочимъ въ отсутствіи у насъ образованныхъ врачей, хорошихъ инженеровъ, техниковъ, рабочихъ, солдатъ.

Признаюсь, я дѣйствительно не откликнулся на этотъ „зовъ“, потому что не ко мнѣ онъ былъ обращенъ; да и не могу я считать нынѣшняго земства, составленнаго въ двухъ третяхъ изъ дворянъ, а въ остальной изъ лицъ случайныхъ, въ родѣ врачей, ветеринаровъ, статистиковъ, канцеляристовъ,— синонимомъ русской земли. Прежде нужно создать еще меньшую земскую единицу и дать ей развиться, чтобы услышать голосъ организованнаго крестьянства, т. е. главнаго, коренного представителя этой „земли“.

Что же касается нашей „бюрократіи“, то, не отрицая ея грѣховъ и слабостей, я не могу однако представить себѣ ее въ отдѣльности отъ русской „интеллигенціи“, въ частности же и отъ тѣхъ профессоровъ, которые воспитываютъ на университетской скамьѣ будущихъ бюрократовъ. Если не безъ основанія говорятъ, что общество всегда стóитъ своего государства, а народъ своего правительства, то еще съ большимъ основаніемъ можно это утверждать о взаимоотношеніяхъ „интеллигенціи“ и „бюрократіи“. Но гдѣ же тогда выходъ къ лучшему? Не въ уваженіи ли къ народнымъ массамъ, которыя создали наше государство и даже не разъ спасали его отъ погромовъ, благодаря своему скромному героизму и вѣрному служенію исконнымъ идеаламъ греко-славянской образованности?

Изъ продолжительныхъ наблюденій жизни русскаго и западнаго Славянства, подъ конституціоннымъ режимомъ, я имѣлъ тысячи случаевъ убѣдиться, что этотъ режимъ не приноситъ ни какой пользы „землѣ“, въ ея основномъ значеніи, особенно „землѣ“ славянской, а наоборотъ, приноситъ кровные интересы народныхъ массъ въ жертву всевозможнымъ спекулянтамъ, въ родѣ Стамбулова, Милана, Андраши, Бадени, Вольфа и другихъ политикановъ. Болѣе того, режимъ этотъ грозитъ гибелью цѣлой группѣ славянскихъ народностей, облегчая процессъ ихъ германизаціи, мадьяризаціи, романизаціи. Теперь въ Австріи и Венгріи между славянами зачастую выражается сожалѣніе о замѣнѣ Баховскаго абсолютизма нѣмецко-еврейскимъ и мадьярско-еврейскимъ парламентаризмомъ! Могу

ли я сочувствовать подобнымъ экспериментамъ in anima vili русскаго народа? Если ему нужны реформы, то основы для нихъ найдутся въ его собственной исторіи, его политическихъ стремленіяхъ и вѣковыхъ учрежденіяхъ. Въ противномъ случаѣ, навязывая народу-хозяину чужія учрежденія, въ интересахъ различныхъ международныхъ спекулянтовъ и эксплоататоровъ, не вызовемъ ли мы повторенія грозныхъ смутъ пугачевщины и гайдамачины?

Въ концѣ своей статьи г. С.-П., нѣсколько неожиданно, ставитъ вопросъ; «кто же болѣе патріотъ: тотъ ли, кто хочетъ измѣнить неблагопріятныя условія и смѣло прикасается къ ранамъ, или тотъ, кто не лѣчитъ ранъ, а прикрываетъ ихъ старыми лохмотьями?»

На это я отвѣчу: если бы 342 цѣлителямъ дѣйствительно удалось поставить болѣзни вѣрный діагнозъ и отыскать надежный методъ лѣченія, сообразный съ индивидуальностью больного, а затѣмъ примѣнить этотъ методъ съ чувствомъ, если и не любви къ „дорогой родинѣ“, то хоть нѣкотораго уваженія къ ея народному достоинству, то я первый поклонился бы въ ноги этимъ врачамъ-патріотамъ. Но когда я вижу, что ихъ діагнозъ основанъ на пессимистическихъ преувеличеніяхъ, а ихъ терапія клонится къ универсальнымъ средствамъ, напоминающимъ нашу траву-кузьмичевку: что кожу народнаго организма они принимаютъ за платье, а вѣковыя учрежденія титулуютъ „старыми лохмотьями“, въ своей же родной матери видятъ не болѣе, какъ „мачеху“: то я не могу понять ни

такого патріотизма, ни такого филантропизма, а вижу тутъ лишь холодную надменность левита притчи, который, встрѣтивъ на пути израненнаго разбойниками ближняго, „пришедъ и видѣвъ, мимоиде“.

Самъ же я, не имѣя достаточно „масла и вина“, чтобы омыть раны моей матери, предпочитаю остаться при упрекѣ въ „прикрываніи ихъ“ ея „старыми лохмотьями“, которыя, въ ихъ символическомъ значеніи, для меня столь же священны, какъ ветхія лоскутья Суворовскихъ знаменъ.

7 марта 1905 г.

P. S. Уже по написаніи этихъ строкъ, получилъ я изъ Вѣны вырѣзку изъ „Neue Freie Presse“ (19 марта 1905 г. № 14573) со статьей: „Русское министерство народнаго просвѣщенія и русскіе академики и профессора“, заимствованной „изъ письма одного члена С.-Петербургской академіи наукъ“.

Въ статьѣ этой излагается, прежде всего, очень отрицательный взглядъ на личность и дѣятельность нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія и упоминается о студенческихъ забастовкахъ, якобы вызванныхъ „брутальнымъ подавленіемъ студенческихъ движеній“ въ Москвѣ, при покойномъ генералъ-губернаторѣ, и хотя грустныхъ-де, но понятныхъ при нынѣшнемъ общественномъ возбужденіи въ Россіи. Далѣе излагается генезисъ и содержаніе „Заявленія 342“ (документъ этотъ переименованъ здѣсь изъ Записки, т. е. Denkschrift, въ Declaration, конечно, не безъ умысла), называются нѣкоторыя

„европейскія знаменитости“ между этими 342 (академики Бейльштейнъ, Бекетовъ, Бородинъ, Веселовскій, Залеманъ, Марковъ, Ольденбургъ, Радловъ, Фаминцынъ, Шахматовъ) и отмѣчается благопріятное воздѣйствіе этого „мѣткаго и смѣлаго заявленія“ на общественное мнѣніе.

Во второмъ отдѣлѣ статьи упоминается о репрессивныхъ мѣрахъ, якобы принятыхъ министромъ народнаго просвѣщенія по поводу этого заявленія и состоявшихъ, во-первыхъ, въ исходатайствованіи Высочайшаго выговора петербургскому попечителю, ректору университета и инспектору, а во-вторыхъ, въ напоминаніи академикамъ, чрезъ посредство Августѣйшаго президента академіи наукъ, ихъ служебнаго долга по отношенію къ учащейся молодежи, которой между тѣмъ у академиковъ-де не имѣется! Въ этомъ напоминаніи сдѣланъ-де былъ намекъ и на неудобства полученія жалованья при данныхъ условіяхъ; но большинство академиковъ нашло-де, что этого намека не слѣдуетъ брать взаправду, въ виду-де явной невмѣняемости нынѣшняго управленія этого министерства.

Въ третьей части говорится о печатной кампаніи, предпринятой-де министромъ народнаго просвѣщенія противъ „Заявленія 342“, конечно, не лично, а черезъ посредство одного изъ членовъ того министерскаго „чулана“, который называется „ученымъ комитетомъ“, именно «abgewirtschafteten abgetakelten Rector» Будиловича. Его странное возраженіе, напечатанное въ „Новомъ Времени“, напоминаетъ-де доводы Омара противъ Александрійской библіотеки. Изложивъ вкривь и вкось эти

доводы и не попытавшись опровергнуть хотя бы одинъ изъ нихъ, анонимный академикъ упоминаетъ затѣмъ о возраженіяхъ на мою статью проф. Сентъ-Илера, которыя вполнѣ раздѣляетъ.

Далѣе говорится еще о статьѣ кн. Трубецкаго въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ о необходимости возвращенія къ уставу 1863 г.; затѣмъ объ одной статьѣ какого-то «княжескаго органа», гдѣ всѣ россійскіе конституціоналисты признаются „негодяями“ (Schuft), и, наконецъ, выражается удивленіе, что и теперь еще раздаются обвиненія противъ академиковъ и профессоровъ за „Заявленіе“, якобы вызвавшее забастовки, тогда какъ на дѣлѣ въ немъ содержится то же, что въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 18 февраля на имя министра внутреннихъ дѣлъ.

Не считая нужнымъ подробнѣе разбирать это „письмо“, которое болѣе касается министра народнаго просвѣщенія, чѣмъ меня, и не заключаетъ въ себѣ даже намека на мотивировку высказанныхъ положеній, я не могу однако не отмѣтить нѣкоторыхъ характерныхъ особенностей этого академическаго „письма“.

Прежде всего представляется страннымъ, что анонимному академику понадобилось переслать въ Вѣну и напечатать въ нѣмецко-еврейской газетѣ,—издавна извѣстной враждебнымъ отношеніемъ ко всему русскому и славянскому,—статью, для которой легко нашлось бы мѣсто и въ любой нашей западнической или радикальной газетѣ. Ужъ не думаетъ ли г. академикъ, что констатированная имъ „война нашихъ высшихъ школъ съ министер-

ствомъ" должна перейти на поле международное, какъ это сдѣлано было недавно съ погромомъ Кишиневскимъ?..

Затѣмъ мнѣ кажется, что если кто-нибудь подписывается академикомъ, то, въ силу изреченія: noblesse oblige, долженъ держаться приличнаго академическаго тона, съ которымъ трудно примирить такія уличныя выходки, какъ „abgewirtschafteter, abgetakelter Rector", по отношенію къ автору, который не титуловалъ себя ни экс-ректоромъ, ни экс-профессоромъ, а просто назвалъ себя по имени: въ качествѣ гражданина, онъ считалъ себя въ правѣ высказаться объ интересахъ отечества съ такой же свободой, какъ и любой другой гражданинъ, хотя-бы изъ состава „342". Или анонимный академикъ, самъ произведшій себя, какъ и прочихъ своихъ коллегъ, въ европейскія знаменитости, считаетъ себя на этомъ только основаніи въ правѣ смотрѣть свысока на каждаго не-академика? Но при этомъ онъ забываетъ, что наша академія все еще не завершила эволюціи изъ учрежденія нѣмецкаго въ національное, все еще вращается въ орбитахъ Запада, а потому и титулъ академика у насъ не считается пока синонимомъ „безсмертнаго", какъ это имѣетъ мѣсто во Франціи.

Впрочемъ, приличіе тона составляетъ требованіе лишь хорошаго воспитанія, которое, очевидно, дано не всѣмъ академикамъ. Но еще болѣе удивляетъ меня въ этомъ письмѣ крайняя неточность — притомъ едва ли случайная—мыслей и выраженій!

Такъ, говоря о „Заявленіи 342", авторъ не разъ прибавляетъ „академиковъ и профессоровъ", тогда

какъ ему не могло быть не извѣстнымъ, что 201 изъ этихъ ученыхъ являются собственно не академиками и не профессорами, а „доцентами, преподавателями, ассистентами и лаборантами", т. е. учеными in spe.

Не могъ не знать анонимный академикъ и того, что Высочайшій выговоръ попечителю, ректору и инспектору вызванъ вовсе не „Заявленіемъ 342", а безобразіями студенческой сходки 7 февраля, какъ объ этомъ упомянуто и въ соотвѣтственномъ указѣ.

Насколько извѣстно, не отъ министра народнаго просвѣщенія, а отъ президента академіи наукъ получили демонстрировавшіе академики указаніе на неумѣстность подобнаго смѣшенія науки съ политикою.

Моя замѣтка въ „Новомъ Времени" не имѣетъ никакого отношенія къ репрессивнымъ мѣрамъ министра народнаго просвѣщенія, какъ это инсинуируетъ академическій анонимъ. Болѣе того, до выхода этой замѣтки никто въ министерствѣ и не зналъ, что она мною задумана, о чемъ при желаніи ему не трудно удостовѣриться.

Что касается того „чулана" (Rumpelkammer), какимъ обзываетъ г. академикъ ученый комитетъ, то я долженъ оговориться, что вовсе не состою его членомъ и что, наоборотъ, тамъ помѣщаются, подъ предсѣдательствомъ акад. Соннна, очевидно въ составѣ старой рухляди, нѣкоторыя изъ свѣтилъ созвѣздія „342", а именно: проф. О. Д. Хвольсонъ, В. М. Шимкевичъ, А. С. Догель.

Сравненіе моей дилеммы о «342» съ дилеммою объ Александрійской библіотекѣ лишь тогда не грѣшило бы противъ логики, если бы я предложилъ разогнать этихъ ученыхъ; а между тѣмъ я, наоборотъ, признаю многихъ изъ нихъ нашей славой и гордостью, хотя и не всегда безупречными въ умозаключеніяхъ.

Не могу я признать точнымъ и утвержденіе анонимнаго академика, будто „Заявленіе 342“ и Высочайшій рескриптъ 18 февраля взаимно покрываются: въ послѣднемъ ничего вѣдь не говорится о несовмѣстимости нынѣшняго государственнаго строя Россіи съ развитіемъ науки и школы, не говорится и о привлеченіи выборныхъ *къ осуществленію* законодательной власти и *къ контролю надъ дѣйствіями администраціи*, по испытаннымъ въ исторіи образцамъ (конечно, Запада)...

Вѣроятно, этотъ длинный рядъ отступленій академическаго анонима отъ точности изложенія, составляющей элементарное требованіе метода, и былъ причиною, что этотъ академикъ выступилъ въ печати за границей и при томъ—въ маскѣ. Въ этомъ отношеніи насколько благороднѣе поступилъ проф. Сентъ-Илеръ, хотя его отвѣтственность могла бы быть чувствительнѣе, чѣмъ безсмѣннаго до смерти академика!

Въ заключеніе, я не могу скрыть своего удивленія, что между нашими академиками, главнымъ образомъ младшаго поколѣнія, находятся лица, все чаще и чаще смѣшивающія науку съ политикой. Но слѣдуетъ надѣяться, что число ихъ будетъ сокращаться, а не возрастать, послѣ упомянутаго указанія со

стороны президента. Хорошимъ предостереженіемъ въ этомъ отношеніи могутъ служить и приведенныя выше слова нашего знаменитаго (хотя и не академическаго) мыслителя Менделѣева, а равно опубликованный недавно въ «Times» отзывъ по этому предмету почетнаго академика гр. Л. Н. Толстаго, изъ котораго я заимствую слѣдующія строки:

„Безправной я считаю эту дѣятельность потому, что люди, которые теперь сражаются противъ правительства,—либеральные представители земствъ, врачи, адвокаты, писатели, студенты, революціонеры, и нѣсколько тысячъ отуманенныхъ пропагандою и оторванныхъ отъ народа рабочихъ.—хотя и называютъ себя представителями народа и себя таковыми считаютъ, но на это названіе не имѣютъ никакого права. Эти люди требуютъ отъ правительства, во имя народа, свободы печати, вѣры, права сходокъ, отдѣленія церкви отъ государства, восьмичасового труда, народнаго правительства и т. д., и т. д. А спросите-ка народъ, большую массу, 100 милл. крестьянъ, что они думаютъ объ этихъ требованіяхъ? Настоящему народу, крестьянамъ, будетъ трудно отвѣтить, потому что эти требованія о свободѣ печати, о правѣ сходокъ, объ отдѣленіи церкви отъ государства, даже о восьмичасовомъ трудѣ для большой массы народа безсмысленны“...

Надѣюсь, что передъ Д. И. Менделѣевымъ и гр. Л. Н. Толстымъ нашъ анонимный академикъ не станетъ слишкомъ ужъ чваниться своей „европейской знаменитостью“...

12 Марта 1905 г.

В.

О политическихъ мечтаніяхъ 170 профессоровъ и преподавателей.

I.

Составляя свою критическую замѣтку на „Записку 342 ученыхъ о нуждахъ просвѣщенія“ и дополненія къ этой замѣткѣ, перепечатанныя выше, на стр. 7—17 и 18—64, я, признаюсь, не предвидѣлъ, что столь скороспѣлое и явно несостоятельное по своимъ фактическимъ основаніямъ и логическому построенію произведеніе, какъ эта „Записка“, предназначено лечь во главу угла цѣлаго учрежденія, сооружаемаго гг. академиками, профессорами и ассистентами въ интересахъ не академическаго лишь, но и общеполитическаго благополучія Россіи. А между тѣмъ это случилось, какъ мы узнаемъ изъ „Сына Отечества“ (№ 37, отъ 31 Марта: ст. „Объединеніе профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній“). Подписавшіе „Записку“ граждане нашей академической республики, въ числѣ яко-бы до 1560, образовали-де на ея началахъ Союзъ, члены котораго, въ числѣ до 200, имѣли въ Петербургѣ (25—28 Марта с. г.) особый Съѣздъ, составленный отчасти изъ делегатовъ отъ мѣстныхъ группъ Союза, отчасти же изъ петербургскихъ его членовъ. На Съѣздѣ этомъ обсуждались не только академическіе, но и общеполитическіе вопросы и

постановленъ рядъ резолюцій. Одна изъ такихъ резолюцій, именно „проектъ устава Союза", опубликована въ „Сынѣ Отечества" (№ 37); другая—въ газетѣ „Русь" (№ 81 отъ 30 марта),—о необходимости преобразованія Россіи въ представительно-демократическомъ направленіи, а третья—въ „Биржевыхъ Вѣдом." (30 марта, вечерн. изд.)—о правахъ инородцевъ и иновѣрцевъ. Кое-какіе отголоски Съѣзда попали и въ „Новое Время" (№ 10441, отъ 30 марта), гдѣ были отмѣчены нѣкоторыя подробности проектированнаго Съѣздомъ нормальнаго устава нашихъ высшихъ школъ и упомянуть выраженный Съѣздомъ упрекъ по адресу тѣхъ студентовъ, которые высказывались противъ академическихъ забастовокъ. Наконецъ, нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о Съѣздѣ опубликовалъ въ „Биржв. Вѣдом." (3 апрѣля, № 8755) одинъ изъ его участниковъ проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Онъ сообщилъ между прочимъ, что нѣкоторые члены Съѣзда внесли было „предложеніе образовать что-то въ родѣ comité du salut public, т. е. постоянное учрежденіе, вѣдающее профессорскую этику и клеймящее публично позорные поступки". Но такъ какъ „подобное учрежденіе сильно отдавало-де террористическимъ душкомъ", то „какъ опасный прецедентъ, никоимъ образомъ не могло-де быть допущено".

Что касается именъ 175 участниковъ Съѣзда, то они опубликованы въ газетѣ „Сынъ Отечества" (№ 37), причемъ оказывается, что въ числѣ ихъ находились: 1 академикъ, 98 профессоровъ и 76 младшихъ преподавателей и ассистентовъ, въ томъ числѣ двѣ дамы.

Нужно, однако, отмѣтить, что изъ числа этихъ 175 участниковъ Съѣзда (по № 37 „Сына Отечества“), 25 не значатся въ спискѣ 170 лицъ, скрѣпившихъ своими подписями его резолюціи (по № 82 „Руси“).

Для возстановленія, вѣроятно, полноты этого списка они были замѣнены при подписи резолюцій двадцатью новыми лицами. Произошло ли это случайно, или вслѣдствіе партійныхъ несогласій въ составѣ Съѣзда,—изъ опубликованныхъ свѣдѣній не видно.

II.

Если бы я придавалъ большое значеніе формальной сторонѣ Съѣзда, то въ обстановкѣ его пришлось бы отмѣтить рядъ непонятныхъ странностей, въ родѣ, напр., слѣдующихъ: какъ совмѣстить существованіе профессорскаго Союза и его устава только въ „проектѣ“ съ его дѣятельностью на Съѣздѣ? Почему члены Съѣзда, не избранные ни совѣтами, ни факультетами по принадлежности —какъ это отмѣчено между прочимъ харьковскимъ ректоромъ Куплеваскимъ („Новое Время“ №10454) —титулуютъ однако себя въ резолюціи: „мы, представители высшихъ учебныхъ заведеній“? На какомъ основаніи Союзъ, задавшійся цѣлью „объединить дѣятелей ученыхъ и высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга (sic!), въ видахъ достиженія и обезпеченія нормальнаго устройства академическаго быта на началахъ академической свободы и автономіи“, счелъ себя въ правѣ принимать резо-

люціи общеполитическаго характера, притомъ такія, которыя были бы по плечу развѣ учредительному собранію народныхъ представителей? Въ какихъ видахъ онъ именуетъ свои резолюціи принятыми „единогласно", когда мы знаемъ изъ статьи проф. Бодуэна-де-Куртенэ, что на Съѣздѣ были разныя партіи, и когда бюро Съѣзда, напечатавшему о немъ сообщеніе въ „Сынѣ Отечества", а вѣроятно и въ „Руси", не могло быть неизвѣстно, что многіе члены Съѣзда, въ томъ числѣ не менѣе 16 профессоровъ, не скрѣпили его резолюціи своими подписями?

Не въ переживаемое нами время, когда подобные Со зы повсюду выростаютъ, какъ грибы, и наполняютъ всѣ газеты сотнями резолюцій по общегосударственнымъ вопросамъ, — могло бы показаться придиркой требовать исполненія законныхъ формъ, отъ однихъ только профессоровъ, между которыми, вдобавокъ, громадное большинство принадлежитъ къ инженерамъ, технологамъ, медикамъ, натуралистамъ, математикамъ, т. е. къ спеціальностямъ, столь же удаленнымъ отъ юриспруденціи, какъ и отъ политики.

Итакъ, не останавливаясь ближе на необычной формѣ нѣсколько послѣднихъ резолюцій возникающаго академическаго кружка, я остановлюсь на ихъ сущности; попутно же сличу рѣшенія Съѣзда съ постановленіями „Записки 342", чтобы видѣть, въ какомъ направленіи передвигается мысль нашихъ профессоровъ по вопросу о нынѣшнихъ недугахъ Россіи и способахъ ихъ врачеванія.

III.

Въ „Запискѣ 342" нынѣшнее положеніе Россіи признавалось тяжелымъ, даже угрожающимъ, но главнымъ образомъ въ системѣ народнаго образованія: теперь въ резолюціи 170 оно считается прямо критическимъ: „все общество, читаемъ мы здѣсь, сверху до низу пришло въ движеніе; всѣ старыя основы уже фактически рушились, между тѣмъ новыя формы еще не сложились и общество переживаетъ періодъ полнаго разстройства"; „каждая минута промедленія увеличиваетъ правительственную и отечественную (не общественную-ли?) анархію,— ту смуту, которая грозитъ неисчислимыми бѣдствіями странѣ": „храмина русской земли" уже-де „разсыпалась", а потому 170 профессоровъ, „какъ граждане и какъ люди науки, внимательно наблюдающіе общественную жизнь, считаютъ долгомъ открыто заявить, что Россія находится на краю пропасти" . . . . . .

Странно, что люди, столь наблюдательные и ученые, уже раньше не замѣтили этой пропасти! Или она придвинулась такъ быстро и неожиданно? Въ обоихъ случаяхъ читатель имѣетъ основаніе усомниться либо въ наблюдательности этихъ людей науки, либо въ ихъ пророческомъ ясновидѣніи, а слѣдовательно, долженъ если не скептически, то непремѣнно критически относиться и къ новѣйшимъ ихъ предсказаніямъ.

На чемъ же основывается изложенный, въ высшей степени пессимистическій діагнозъ недуговъ Россіи, поставленный нашими 170 эскулапами?

Исходною точкою этого діагноза служитъ, какъ и въ „Запискѣ 342“, „пріостановка занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ“.

Конечно, бездѣйствіе нѣсколькихъ тысячъ студентовъ, въ теченіе цѣлаго семестра, крайне тяжело и убыточно, прежде всего для родителей этихъ студентовъ, а затѣмъ и для нихъ самихъ, особенно тѣхъ, которые добиваются въ высшей школѣ не дипломовъ, а знаній. Но, во всякомъ случаѣ, ни одно государство не погибло еще отъ закрытія у него на одинъ или нѣсколько семестровъ высшихъ школъ, что обыкновенно и случается при непріятельскомъ вторженіи въ страну. Наши профессора, очевидно, смѣшиваютъ интересы своей академической республики съ интересами всего государства, которое между тѣмъ имѣетъ и другіе, болѣе прочные устои своего существованія, чѣмъ измѣнчивое настроеніе профессоровъ или студентовъ. Не проходитъ года, чтобы мы не узнали изъ газетъ о временномъ закрытіи то одного, то другого заграничнаго университета, или и цѣлой группы ихъ. Всего чаще это случается въ университетахъ австрійскихъ; бываетъ въ Италіи, во Франціи; недавно генеральная забастовка студентовъ была объявлена въ Софіи. Но никто не видитъ въ такихъ педократическихъ движеніяхъ опасности для самаго существованія государства!

Что же остается дальше въ основѣ указаннаго діагноза? Г.г. профессора ссылаются на „аграрныя волненія“, на „забастовки рабочихъ“, на „обостреніе вопросовъ соціально-экономическихъ продолжительной и несчастной войной“, и еще нѣкоторые наши

недуги, но уже болѣе фразеологическаго свойства. Но гдѣ не бывало и не бываетъ теперь движеній аграрныхъ и рабочихъ? Развѣ не случаются они и на Западѣ, гдѣ земли еще меньше, а пролетаріатъ несравненно многочисленнѣе, чѣмъ у насъ? И почему г.г. профессора не взяли на себя трудъ выдѣлить въ этихъ движеніяхъ элементы самостоятельные и серьезные отъ навѣянныхъ искусственно, со стороны, разными Гапонами, анархистами, бундистами и, наконецъ, просто интеллигентами-преобразователями? Бросая въ народныя массы—то сознательно, то безсознательно—сѣмена смуты, они затѣмъ выражаютъ удивленіе, когда она то здѣсь, то тамъ „встаетъ передъ Россіей во всемъ своемъ стихійномъ величіи“. Какъ правильно оцѣнилъ этотъ дуализмъ между нашей интеллигенціей и народомъ графъ Л. Н. Толстой, въ статьѣ „Times“, гдѣ мы находимъ слѣдующія строки:.... „Люди, которые теперь сражаются противъ правительства, либеральные представители земства, врачи, адвокаты, писатели, студенты, революціонеры и нѣсколько тысячъ отуманенныхъ пропагандою и оторванныхъ отъ народа рабочихъ,—хотя и называютъ себя представителями народа и себя таковыми считаютъ, но на это названіе не имѣютъ никакого права“ (полнѣе см. выше на стр. 64.).

Въ томъ же тонѣ формулированы воззрѣнія гр. Л. Н. Толстого и въ корреспонденціи „Нов. Врем.“ отъ 26 Марта с. г., въ передачѣ одного тульскаго врача: „Разгулъ общественныхъ силъ не только чуждъ, но и враждебенъ стомилліонной деревен-

ской массѣ; онъ идетъ въ разрѣзъ со всѣми мужицкими воззрѣніями. Мужикъ — неисправимый монархистъ... Въ земствѣ, въ волости или въ будущемъ народномъ собраніи—мужикъ никогда не пойдетъ заодно съ интеллигенціей противъ царской власти... Теперь интеллигенція носится, какъ съ писаной торбой, съ народнымъ представительствомъ. На самомъ дѣлѣ о народѣ она не думаетъ. Вѣдь, теперь она также одиночна, какъ и во дни недавняго празднованія пресловутой политической весны. Но она не смущается своимъ одиночествомъ и не дивится отсталости своего меньшого брата-мужика, говоря: ...вотъ будетъ организовано народное представительство и мужикъ будетъ переваренъ въ парламентскомъ котлѣ.. Пѣсенка, очень похожая на ту, которую нѣсколько лѣтъ назадъ пѣли марксисты... Интеллигенція своимъ шумомъ лишь мѣшаетъ правительству войти на мирный путь реформъ“....

Но имѣются указанія, что и въ составѣ 170 профессоровъ были члены, не смотрѣвшіе на положеніе Россіи столь трагически и совершенно иначе діагносцировавшіе ея недуги. Такъ, проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ въ своей статьѣ говоритъ по этому поводу: „всѣхъ насъ объединяло желаніе освободить Россію отъ цѣлаго ряда лишнихъ вопросовъ, коренящихся въ національномъ фанатизмѣ, въ человѣконенавистническихъ, человѣкоистребительныхъ и хищническихъ инстинктахъ“.... И въ другихъ мѣстахъ своей статьи проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ упоминаетъ о „конкретныхъ вопросахъ“, безъ ближайшаго ихъ опредѣленія, ссылается на „бѣду

Россіи" и „роковой моментъ" ея жизни; не безъ злорадства указываетъ на „застрявшую въ грязи телѣгу русскаго государства". Но ни о студенческихъ волненіяхъ, ни о движеніяхъ аграрныхъ и рабочихъ, ни тѣмъ менѣе о близкомъ „краѣ пропасти" тутъ нѣтъ ни слова! Не слѣдуетъ ли отсюда, что лица, подписавшія декларацію 170, не вѣрятъ сами въ тѣ страхи, которые въ ней намалеваны? Да и стали-ль бы они учреждать теперь при Союзѣ разныя комиссіи, разсчитанныя на болѣе или менѣе отдаленное будущее, въ родѣ „академической", „справочной", „организаціонной", „фондовой" и „общихъ дѣлъ", если бы они серьезно вѣрили, что отечество скоро сорвется въ „пропасть" вмѣстѣ со всѣми этими комиссіями?...

IV.

Но допустимъ, что поставленный 170 эскулапами діагнозъ нашей государственной болѣзни совершенно правиленъ и посмотримъ, на сколько выдерживаетъ критику проектированная ими терапія этой болѣзни, изложенная въ нижеслѣдующихъ резолюціяхъ:

А. Резолюція первая:

а) не терять времени, ибо „каждая минута промедленія неизбѣжно влечетъ за собою кровавыя осложненія". . . .

б) „немедленно упразднить всѣ существующія ограниченія свободы общественныхъ собраній, свободы печатнаго и устнаго слова", „дабы все насе-

леніе имперіи, безъ различія классовъ, національностей, вѣроисповѣданій, могло принять одинаковое участіе въ общемъ дѣлѣ собиранія разсыпанной храмины русской земли";

в) ввести правильное, свободное избраніе народныхъ представителей, построенное на началахъ всеобщаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права;

г) при избраніи не должно быть обращаемо вниманіе на національныя, вѣроисповѣдныя сословныя и классовыя привиллегіи и правоограниченія;

д) возникшее при такихъ условіяхъ народное представительство должно опираться на началахъ послѣдовательнаго и безусловнаго демократизма;

е) какъ организованное общественное мнѣніе, народное представительство потребуетъ-де для себя не совѣщательнаго, а рѣшающаго голоса при «осуществленіи» законодательной власти, контролѣ надъ администраціей, установленіи и провѣркѣ государственной росписи.

Б. Резолюція вторая:

а) выразить самый категорическій протестъ по поводу практикуемой до сихъ поръ правительствомъ руссификаторской политики въ примѣненіи къ нерусскимъ національностямъ;

б) предоставить всѣмъ національностямъ, живущимъ въ предѣлахъ Россіи, полную равноправность и признать ихъ право на самоопредѣленіе;

в) предоставить мѣстнымъ національнымъ языкамъ господство въ школѣ; и

г) отмѣтить противорѣчіе нынѣшней правительственной политики въ Царствѣ Польскомъ съ указаннымъ принципомъ

V.

Останавливаясь на этихъ предположеніяхъ 170 профессоровъ, я прежде всего долженъ выразить сожалѣніе, что они вынуждены были замѣнить многоточіемъ мотивировку того положенія, что „каждая минута промедленія влечетъ за собою кровавыя осложненія". О какого рода осложненіяхъ говорится здѣсь? Есть ли это предостереженіе или угроза? Во всякомъ случаѣ, изъ дальнѣйшаго видно, что предлагаемые профессорами пріемы лѣченія—отчасти терапевтическіе, отчасти же хирургическіе—не такого рода, чтобы возможно было примѣнить ихъ въ нѣсколько дней или недѣль. Къ тому же и возможность критическаго исхода при хирургическомъ лѣченіи столь громаднаго организма, съ его полтораста-милліоннымъ населеніемъ и первоклассными историческими задачами, не позволяетъ, кажется, производить въ немъ съ плеча любые эксперименты, словно надъ морской свинкой или какимъ, нибудь мелкимъ, второстепеннымъ государствомъ.

Возьмемъ, наприм., рецептъ А. б. и разсмотримъ, пріемлемо ли прописанное въ немъ «немедленное упраздненіе всѣхъ существующихъ ограниченій свободы общественныхъ собраній, свободы печатнаго и устнаго слова»? Едва ли! Вѣдь въ числѣ этихъ «собраній» могли бы найтись и «черныя сотни», заявившія себя уже въ разныхъ городахъ и

всѣхъ Россіи пріемами уличнаго самосуда по отношенію къ „интеллигенціи“! А затѣмъ, на ряду съ сотнями черными, могли бы вѣдь вновь выступить на сцену и „сотни красныя“, предводимыя какимъ нибудь Гапономъ и другими анархистами, которые принялись бы, нашимъ, преобразовывать отечество по образцу недавняго ялтинскаго разгрома... Наконецъ, примѣръ Московскаго сельско-хозяйственнаго общества доказываетъ, что и невинныя раньше организаціи могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, перерождаться въ клубы якобинцевъ, чтобы подъ двуглавымъ орломъ разбрасывать по всѣмъ волостямъ имперіи воззванія къ мятежу. Да и свобода печати нигдѣ въ мірѣ не существуетъ безъ извѣстныхъ законныхъ ограниченій. Иначе, это была бы не свобода, а разгулъ произвола, который вызвалъ бы bellum omnium contra omnes,—предвкушеніе чего и замѣчалось уже у насъ въ пору вакханаліи слова, подготовившихъ событія 9 января.

VI.

Ничего нельзя бы возразить противъ предлагаемаго г.г. профессорами „участія всего населенія имперіи, безъ различія классовъ, національностей и вѣроисповѣданій въ общемъ дѣлѣ собранія разсыпанной храмины русской земли“, если бы было доказано, что, во-первыхъ, храмина эта дѣйствительно разсыпана и что, во-вторыхъ, дѣятели этихъ «національностей и вѣроисповѣданій» будутъ дѣйствительно собирать бревна и стропила этой храмины, а не расхапывать ихъ, для соору-

женія себѣ особыхъ «храмищъ», на что имъ дается и полномочіе 170 профессорами во второй резолюціи.

Никто не станетъ ратовать и противъ предлагаемаго профессорами «правильнаго и свободнаго избранія народныхъ представителей»; но такъ какъ согласіе на это уже дано въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 18 февраля, то и настаивать на этомъ вновь въ резолюціяхъ означаетъ собственно—толкаться въ открытую дверь.

VII.

Переходя затѣмъ къ предположенію „170“ о постройкѣ нашего народнаго представительства на началахъ «общаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права», я нахожу, что теоретически оно правильно, ибо, дѣйствительно, душа человѣческая важнѣе тѣла, а личность гражданина важнѣе ея сословныхъ или имущественныхъ опредѣленій. Но правильность теоретическая можетъ не имѣть никакого значенія, если она наталкивается на трудности историко-этнологическаго характера или на неисполнимость практическую, какъ это имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ у насъ.

Система выборовъ на основаніи принципа „suffrage universel“ существуетъ пока только въ республикахъ и тѣхъ не многихъ монархіяхъ, которыя развились на развалинахъ французской первой имперіи или въ подражаніе ей. Въ большинствѣ же нынѣшнихъ конституціонныхъ монархій, съ Великобританіей во главѣ, мы видимъ народное представи-

тельство сословнаго или классоваго характера. Слѣдовательно, исторически обѣ эти формы могутъ считаться равноправными и при выборѣ между ними вопросъ сводится къ удобствамъ практическимъ, которыя опредѣляются народнымъ характеромъ и сложившимися условіями жизни. Можно однако считать доказаннымъ, что всеобщіе выборы болѣе благопріятствуютъ развитію соціализма. Въ этомъ не безъ сожалѣнія убѣдился и Бисмаркъ, организовавшій нѣмецкую имперскую думу по системѣ всеобщихъ выборовъ, изъ опасенія передъ гвельфами и сепаратистами.

Наши историческіе прецеденты всѣ говорятъ въ пользу выборовъ по классамъ. Извѣстно, что и старые земскіе соборы, какъ при выборахъ, такъ и при совѣщаніяхъ, распадались на отдѣльныя общественныя группы, каковыми были: освященный соборъ, боярская дума, служилые чины, торговыя сотни, черныя слободы, тяглые люди. Въ такомъ приблизительно видѣ группируется и нынѣ русское населеніе, какъ это видно и изъ „Записки 342 профессоровъ“, гдѣ особенно выдвигаются, какъ примѣръ для подражанія, резолюціи съѣзда земскихъ дѣятелей, постановленія московской городской думы, московскаго, калужскаго и другихъ земскихъ собраній, заявленія общественныхъ учрежденій, ученыхъ коллегій и общественныхъ группъ. Да и 170 профессоровъ выступаютъ со своей резолюціей не какъ граждане вообще, а какъ граждане академической республики, притомъ даже въ двухъ куріяхъ, какъ профессора или граждане старшіе, и какъ преподаватели или граждане младшіе, при-

чемъ они совершенно забыли еще о третьей академической куріи—студентахъ, которые между тѣмъ проявили столь шумное содѣйствіе при осуществленіи предначертаній „Записки 342“. Неблагодарностью представляется при этомъ и полное забвеніе профессорскимъ Съѣздомъ параллельныхъ ему союзовъ и съѣздовъ адвокатовъ, врачей, инженеровъ и другихъ профессіональныхъ группъ, которыя также образовались не по системѣ „общихъ и равныхъ выборовъ“, не прямо изъ среды гражданъ.

Невольно приходитъ мнѣ при этомъ на память мысль, выраженная Гильфердингомъ въ статьѣ: „Изъ древнѣйшей исторіи славянъ“ (Вѣстн. Евр. 1869 г.), гдѣ онъ раздѣляетъ все арійское человѣчество, въ его историческомъ развитіи, на три пары: 1) индусы и иранцы; 2) греки и римляне, и 3) германцы и славяне. Въ каждой изъ этихъ паръ первый членъ (индусы, греки, германцы) представляетъ-де, въ нѣкоторой односторонности, типъ развитія индивидуальнаго, а второй (персы, римляне, русскіе) типъ развитія общественнаго или государственнаго. Хотя историческая школа и вліяніе сосѣдей ослабляли-де со временъ односторонности такихъ типовъ, однако ихъ этнологическіе контрасты, на протяженіи вѣковъ, отражались во всѣхъ областяхъ культурной жизни названныхъ народовъ.

При такихъ условіяхъ, согласно ли будетъ съ законами біологіи и исторіи разбивать наши крестьянскіе міры, общины, артели, волости, на ихъ индивидуальные элементы, или на атомы гражданъ, какъ это еще допустимо въ средѣ индивидуалис-

товъ Запада? Не почувствуютъ ли себя у насъ эти „граждане“, за изъятіемъ единичныхъ кулаковъ или міроѣдовъ, безпомощными сиротами или —какъ встарину выражались—„изгоями“? . . . .

Такимъ образомъ, и примѣры многихъ западныхъ государствъ, и нашъ племенной типъ, и историческое прошлое, и современная общественная организація Россіи, и даже самая группировка большинства выступившихъ нынѣ дѣятелей переворота—все указываетъ на необходимость предпочтенія у насъ представительства сословнаго и классоваго передъ тѣмъ, которое слагается по необычному для насъ принципу — suffrage universel. Да и законъ „исторической эволюціи“ требуетъ, кажется, чтобы государственныя учрежденія развивались въ извѣстной непрерывности, чтобы стѣны новыхъ сооруженій ставились на готовый и испытанный уже фундаментъ, а куполъ, въ свою очередь, на эти стѣны,—вмѣсто того, чтобы опирать и первыя и послѣднія на никѣмъ еще не измѣренныя глубины, а быть можетъ и омуты личной жизни, или хотя бы на тѣ „трясины“, которыя по мѣткому слову графа Л. Н. Толстого чувствуетъ подъ собой наша безпочвенная, „легкомысленная и бездарная“ городская интеллигенція (Бирж. Вѣд. 8 апр. 1905).

Да и успѣютъ ли наши 15—20 милл. избирателей, разсыпанныхъ по всему простору русской земли, по которому и солнце то совершаетъ свой путь не по минутамъ, а по часамъ, сойтись, согласиться относительно политической программы и избрать достойныхъ ея носителей въ то короткое

время, какое отводятъ имъ 170 профессоровъ, увѣряющіе, что „каждая минута промедленія влечетъ за собою кровавыя осложненія“! Если наши статистическіе комитеты донынѣ не успѣли еще разработать данныхъ народной переписи 1897 года, то когда же разработаютъ избирательныя комиссіи списки 15—20 милліоновъ избирателей, съ указаніемъ ихъ возраста, судимости и прочихъ данныхъ, необходимыхъ при всякой системѣ выборовъ? Но когда эта работа будетъ сдѣлана, то останется другая, еще болѣе трудная задача - сгруппировать и опросить всѣ эти милліоны гражданъ, изъ коихъ многіе разбросаны по тундрамъ, тайгамъ, степямъ, кочуютъ на верблюдахъ, коняхъ, собакахъ...

VIII.

Г.г. профессора рекомендуютъ при избраніи представителей и вообще при переустройствѣ государства не обращать вниманія на «національныя, вѣроисповѣдныя, сословныя и классовыя привилегіи и правоограниченія». Но какъ быть съ тѣми инородцами, которые вовсе не признаютъ себя русскими гражданами, ибо не знаютъ ни нашего языка, ни нашей исторіи, и совершенно не раздѣляютъ нашихъ политическихъ стремленій; которые видятъ свой племенной или областной интересъ не въ сохраненіи и укрѣпленіи русскаго государства, а, наоборотъ, въ его ослабленіи и разрушеніи; которые относятся къ русскимъ съ фанатической враждой, какъ къ ненавистнымъ «шизматикамъ», „гоямъ“, «кяфирамъ»? Съ другой стороны,

можно ли интеллигенціи безнаказано игнорировать „правосознаніе“ той сотни милліоновъ коренныхъ русскихъ гражданъ, которые вовсе не раздѣляютъ доктринерскихъ воззрѣній 170 профессоровъ о безразличіи въ русскомъ государствѣ всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій, и вовсе не намѣрены поступаться своими правами народа-хозяина въ пользу завоеванныхъ имъ въ разныя эпохи, или вторгшихся исподтишка, народовъ-гостей?

Соображенія послѣдняго рода выступали, кажется, и въ совѣщаніяхъ на Съѣздѣ, такъ какъ проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ, въ своей статьѣ о немъ, призналъ нужнымъ открыто выступить противъ своихъ коллегъ „народолюбцевъ“, которые «обожаютъ-де народъ», словно какой то «непогрѣшимый интеллектъ и исполнитель таящейся въ немъ самомъ верховной воли». «Народолюбство» въ такой утрировкѣ, конечно, вызываетъ лишь улыбку. Но, съ другой стороны, и противоположныя ему воззрѣнія едва ли примѣнимы къ русской средѣ, ибо отзываются польскими представленіями о крестьянахъ, какъ о хлопахъ или быдлѣ,—каковыя представленія, замѣчу въ скобкахъ, были чуть-ли не главною причиною какъ неудачъ Сигизмунда III подъ Москвою, такъ впослѣдствіи отдѣленія Малороссіи, движеній гайдамацкихъ и, наконецъ, паденія польскаго государства....

Не нужно забывать, что по переписи 1897 г. въ Россіи насчитано на 84 мил. русскихъ до 42 мил. инородцевъ, такъ что при «всеобщихъ и равныхъ» выборахъ въ нашемъ народномъ предста-

вительствѣ должно-бы быть не менѣе 33 % инородческихъ депутатовъ. Если же принять въ соображеніе относительную скудость русскаго образованнаго класса, въ сравненіи, наприм., съ интеллигенціей нѣмецкой, польской, еврейской, и вспомнить такъ называемое оскудѣніе нашего центра въ пользу окраинъ, то слѣдуетъ опасаться, что указанный процентъ инородцевъ повысится въ нашей палатѣ до 50 % и болѣе. А такъ какъ представители русскіе при этомъ безспорно раздѣлятся на разныя группы, изъ коихъ та, которую опекаютъ наши 170, примкнетъ къ инородцамъ и иновѣрцамъ, то возникаетъ вопросъ: какую же устойчивость можетъ имѣть подобное безпочвенное сооруженіе или, вѣрнѣе, такой испанскій замокъ?

Какъ бы въ темномъ предчувствіи крайней ненадежности затѣваемаго профессорами политическаго сооруженія, при несочувствіи ему народныхъ массъ, проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ выразилъ очень пессимистическій взглядъ на проектированное его коллегами наше будущее представительство: «Въ настоящій роковой моментъ, говоритъ онъ, Россію можетъ выручить изъ бѣды не «легальное» всенародное представительство, но частью полулегальное, частью даже „нелегальное“ собраніе представителей классовыхъ и групповыхъ интересовъ“..... Какъ ни таинственно послѣднее выраженіе, все-таки изъ него можно, кажется, заключить, что, по предположеніямъ нѣкоторыхъ изъ 170 профессоровъ, наша будущая конституція не избавитъ Россію отъ существованія или даже господства въ ней тѣхъ „полулегальныхъ“ или „нелегальныхъ“ орга-

низаціи, которыя и являются нынѣ однимъ изъ главныхъ элементовъ переживаемой обществомъ смуты....

IX.

„Государственный строй преобразованной Россіи, говорятъ далѣе 170 Солоновъ, долженъ быть строемъ послѣдовательнаго и безусловнаго демократизма". Если бы подъ демократизмомъ здѣсь понимать то, что у насъ издревле разумѣлось въ словахъ: „Россія—царство крестьянское", или, какъ другіе выражаются, „царство мужицкое", то съ этимъ можно бы согласиться,—конечно, въ предположеніи, что между царемъ и крестьяниномъ въ этомъ царствѣ останется достаточно простора для каждаго истиннаго дарованія и пріобрѣтенныхъ заслугъ. Но если подъ демократіей здѣсь разумѣется нѣчто похожее на демократію древне-греческую, въ которой подъ сотнями гражданъ скрывались тысячи рабовъ; или нѣчто въ родѣ нынѣшняго демократизма западнаго, который представляетъ своеобразную смѣсь переходовъ отъ невѣжественной охлократіи къ плутократической олигархіи, то сохрани насъ Богъ отъ такой демократіи! Кромѣ того, въ вопросахъ объ историческомъ развитіи такихъ вѣковыхъ организмовъ, какъ Россія, едва-ли прилично сынамъ-гражданамъ изрекать въ резолюціяхъ своего рода указы, въ формахъ категорическаго императива: „должно быть"! Да и почему этотъ строй непремѣнно «долженъ быть» окрашенъ въ красный цвѣтъ «послѣдовательнаго и безусловнаго» демокра-

тизма! Насколько умнѣе и историчнѣе поставленъ тотъ же вопросъ въ недавно опубликованной (Нов. Вр. 14 апр.) резолюціи московскихъ патріотовъ: Д. Н. Шипова, кн. П. Н. Трубецкаго, кн. В. М. Голицына, М. А. Стаховича, В. И. Герье, Н. А. Хомякова, кн. Г. Г. Гагарина и О. П. Герасимова! Въ этой резолюціи,— именно въ той ея части, гдѣ чувствуется рука мастера исторіографіи, проф. Герье,—цитатами изъ сочиненія Джемса Брайса объ „Американской республикѣ“ показаны преимущества историческаго метода «мелкихъ улучшеній“, сдѣланныхъ «сообразно съ существующими условіями и привычками», передъ «подробно выработанной системой, которая вся придумана однимъ разомъ», для достиженія «нѣкоторыхъ спеціальныхъ цѣлей».

Если эта теорія подтверждается исторіей развитія даже американскихъ учрежденій, которыя считаются прототипомъ новѣйшаго демократизма, то почему должна отказаться отъ исторической связи съ прошлымъ одна только Россія, съ ея вѣковыми учрежденіями, и замѣнить эти связи доктринерскимъ радикализмомъ 170 профессоровъ?

X.

Слѣпымъ подражаніемъ Западу, а не какою-нибудь теоретическою или практическою необходимостью, продиктовано и то положеніе 170, будто наше народное представительство «потребуетъ» для себя рѣшающаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Мотивируется это предсказаніе двумя со-

ображеніями: во 1-хъ, различіемъ между учрежденіями бюрократическими, какъ совѣщательными, и народно-представительными, какъ рѣшающими, и во 2-хъ, невозможностью для учрежденія совѣщательнаго осуществлять контроль надъ администраціею. Но въ исторіи извѣстны тысячи случаевъ, когда «бюрократы», наприм., кардиналъ Ришелье, кн. Меттернихъ, гр. Бисмаркъ, захватывали въ свои руки власть и пользовались ею по цѣлымъ десятилѣтіямъ, тогда какъ, съ другой стороны, народные представители нерѣдко совершенно ступевывались и ничего не «рѣшали», наприм., французскія палаты при Наполеонѣ III, а нѣмецкія—при томъ же Бисмаркѣ. Въ доказательство же того, что совѣщательныя учрежденія могутъ контролировать администрацію, сошлюсь хотя бы на нашъ государственный контроль, для прежняго же времени — нашъ сенатъ и наши старые земскіе соборы. И этотъ контроль былъ, безспорно, дѣйствительнѣе, чѣмъ тотъ, какой мы видимъ въ большинствѣ конституціонныхъ государствъ, гдѣ партійному министерству ничего не стоитъ апеллировать противъ любыхъ обвиненій къ большинству палаты, состоящему изъ членовъ той же партіи.

Если затѣмъ наши 170 авгуровъ считаютъ себя въ правѣ, предрекая будущее, предрѣшать упомянутое постановленіе нашего народнаго представительства, то позволительно, кажется, и мнѣ высказать свое, болѣе мотивированное пророчество, что такое постановленіе никогда не будетъ сдѣлано. Вѣдь наше представительство можетъ быть созвано лишь въ силу Высочайшаго рескрипта отъ

18 февраля, гдѣ прямо сказано, что „достойнѣйшіе, довѣріемъ народа облеченные, избранные отъ населенія люди будутъ привлекаемы къ предварительной разработкѣ и обсужденію законодательныхъ предположеній“... „при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи“. А такъ какъ представители народа могутъ быть избраны только на условіяхъ этого рескрипта, то, очевидно, они не получатъ отъ своихъ избирателей правъ на „осуществленіе законодательной власти“, какъ выражаются наши 170 профессоровъ. Потребовать рѣшающаго голоса въ палатахъ эти представители могли бы лишь путемъ революціоннымъ. Но для революціи недостаточно тѣхъ десятковъ или хотя бы сотенъ тысячъ конституціоналистовъ, какіе у насъ имѣются, главнымъ образомъ между инородцами и отчасти въ средѣ западническихъ группъ нашей интеллигенціи. Государственный строй Россіи въ своихъ историческихъ основахъ опирается на правосознаніи и на интересахъ не одной „политически мыслящей части русскаго общества“, но и народныхъ массъ, которыя настроены монархически и которыя въ своемъ стомилліонномъ множествѣ представляютъ такую силу, съ какой опасно было бы не считаться нашимъ интеллигентамъ. Предсказывать же, на случай созыва народнаго представительства, революціонныя рѣшенія съ его стороны, не значитъ ли „просто играть въ руку реакціи“, выражаясь словами проф. Бодуэна-де-Куртенэ?

XI.

Но если первая резолюція Съѣзда вызываетъ столько недоумѣній, то что сказать о второй, гдѣ выражается протестъ противъ якобы русификаторской политики русскаго правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ готовность предоставить всѣмъ нашимъ инородцамъ „право на самоопредѣленіе", безъ какихъ бы то ни было ограниченій!

Если бы наше правительство, дѣйствительно, руководилось теперь или раньше русификаторскими стремленіями, то развѣ возможны были бы у насъ эпохи Бирона и Петра III, возможны ли были бы времена, когда Ермоловъ ходатайствовалъ о производствѣ его въ нѣмцы, а Самаринъ вынужденъ былъ печатать „Окраины Россіи" заграницею? Развѣ успѣли мы, хотя отчасти, колонизовать русскимъ населеніемъ Финляндію, Прибалтійскія и Привислянскія губерніи, Крымъ, Кавказъ, Туркестанъ, Поамурье? Не видимъ ли, наоборотъ, быстраго захвата инородцами и даже иноземцами нашихъ богатѣйшихъ по природѣ областей, не исключая ни Новороссіи, ни Кавказа, ни Урала, ни даже отдаленной Камчатки?

Если же русское правительство принимало по временамъ, хотя и очень нерѣшительныя, мѣры для распространенія русскаго языка и образованія въ средѣ своихъ инородцевъ, то развѣ не поступаютъ точно также—только съ большей послѣдовательностью и энергіей—всѣ прочія государства, имѣющія, какъ и Россія, національную основу? Въ частности, развѣ не поступаетъ такъ Германія въ

Познани, Голштиніи, Лотарингіи? Или Франція— въ Бретани, Аквитаніи, Провансѣ? Или, наконецъ Англія въ Уэльсѣ, Ирландіи, Шотландіи, а равно во всѣхъ колоніяхъ, не исключая даже Индіи, съ ея огромнымъ и даровитымъ индусскимъ населеніемъ? Да и Американскіе Штаты развѣ признаютъ „право на самоопредѣленіе“, хотя бы только въ школьной области, за входящими въ составъ республики народами романскаго, нѣмецкаго и негрскаго происхожденія, представляющими каждый, вѣроятно, не менѣе 10 милліон. населенія?

Я допускаю, что Россія можетъ и даже должна усвоить себѣ, по отношенію къ инородцамъ, болѣе гуманную систему воспитанія и національнаго сближенія, чѣмъ какая установлена, положимъ, въ нынѣшней Германіи; допускаю, что намъ удастся лучше согласовать элементы національнаго единства и разнообразія, взаимоотношеніе въ государствѣ силъ центростремительныхъ и центробѣжныхъ, чѣмъ это наблюдается въ названныхъ государствахъ Запада. Но не должна же Россія изъ-за инородцевъ потерять свой національный характеръ, присущій ей въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія; не должна въ угоду полякамъ, евреямъ нѣмцамъ превратиться въ федерацію областей и народностей, по образцу Швейцаріи или Австро-Венгріи.

XII.

Такъ какъ „право народностей на самоопредѣленіе“ можетъ распространяться и на политическую сферу, то въ силу разсматриваемой резолюціи,

наряду съ центральнымъ парламентомъ, могла бы возникнуть у насъ цѣлая серія мѣстныхъ сеймовъ, въ родѣ находящагося нынѣ въ Гельсингфорсѣ. Одинъ изъ такихъ сеймовъ возникъ бы, наприм., въ Ревелѣ (эстонскій), другой въ Митавѣ (латышскій), третій въ Ригѣ (нѣмецкій), четвертый въ Вильнѣ или Ковнѣ (литовскій), пятый въ Варшавѣ (польскій), шестой въ Бердичевѣ или Гомелѣ (еврейскій), седьмой въ Кіевѣ (украинскій), восьмой въ Кишиневѣ (румынскій), девятый въ Одессѣ (греческій), одиннадцатый, двѣнадцатый, тринадцатый въ Бахчисараѣ, Казани, Уфѣ (татарскіе), четырнадцатый въ Тифлисѣ (армянскій или грузинскій) и т. д., и т. д.

Въ резолюціи профессоровъ объ этой возможности, конечно, только намекается, но не говорится прямо. Но почти одновременно съ профессорскимъ Съѣздомъ, именно 28, 29 и 30 марта, происходилъ въ Петербургѣ же другой Съѣздъ, 183 россійскихъ адвокатовъ, на которомъ вопросъ о мѣстныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ или сеймахъ поставленъ былъ ребромъ, какъ мы узнаемъ изъ варшавской корресподенціи львовской газеты „Slowo Polskie“ (№ 191; перепечатано въ „Галичанинѣ“ отъ 13 апр. 1905 г. № 84). Въ этой корресподенціи говорится, что на означенномъ Съѣздѣ находилось 10 адвокатовъ польскихъ изъ Варшавы и 20 изъ Литвы и Западной Руси. Первые заявили-де, что хотя и сочувствуютъ русскому свободноконституціонному движенію, но въ совѣщаніяхъ Съѣзда могутъ принять участіе лишь въ томъ случаѣ, если Съѣздъ вотируетъ „законодательно-

административную автономію царства Польскаго, основанную на всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ голосованіи всѣхъ жителей этого царства". Кромѣ того польскіе адвокаты заявили-де, что такъ какъ польская адвокатура составляетъ самостоятельное цѣлое, то она не можетъ вступить въ проектированный всероссійскій Союзъ адвокатовъ, а развѣ поддерживать съ нимъ, въ случаѣ надобности, сношенія на началахъ полной равноправности.

По предложенію предсѣдателя Съѣзда, адвоката Р., желаніе варшавянъ было-де единогласно одобрено Съѣздомъ, вслѣдъ за резолюціей о необходимости отмѣны самодержавія.

Что касается 20 польско-литовскихъ адвокатовъ, то они примкнули-де къ всероссійскому Союзу, причемъ однако петербургскій адвокатъ полякъ О. предложилъ, при обсужденіи вопроса о будущей конституціи, образовать въ Литвѣ національныя куріи: польскую, литовскую, бѣлорусскую, еврейскую и т. д. И это предложеніе было-де безъ затрудненія принято Съѣздомъ.

Представитель малорусскихъ адвокатовъ, г. Л. изъ Екатеринослава, обосновывая права Украйны на самостоятельность и политическую свободу, сослался-де и на то, что когда малороссы съ поляками имѣли уже свободныя республики, предки этихъ самыхъ россійскихъ адвокатовъ искали еще для себя царя-самодержца въ муромскихъ лѣсахъ . . . .

И одинъ татаринъ жаловался-де на этомъ Съѣздѣ на россійское иго, а равно—нѣкоторые армяне и грузины. Но изъ цитованной корреспон-

денціи не видно, дарована ли и этимъ народностямъ Съѣздомъ „законодательно-административная автономія». «Галичанинъ» съ своей стороны выражаетъ убѣжденіе, что если бы такой татаринъ предложилъ Съѣзду возстановить Золотую Орду, то навѣрное не встрѣтилъ бы возраженій, ибо на этомъ всероссійскомъ Съѣздѣ, въ составѣ 183 членовъ, находилось-де не менѣе 90 евреевъ и 32 поляка. . . .

XIII.

Изъ московской корреспонденціи «Нов. Времени» (№ 10454) отъ 11 апр. мы узнаемъ, что и въ Москвѣ происходили какія то совѣщанія русскихъ и польскихъ «общественныхъ дѣятелей» о русско-польскихъ отношеніяхъ. Въ совѣщаніяхъ принимали-де участіе до 100 лицъ, изъ коихъ 70 было русскихъ (земскіе и городскіе дѣятели, профессора, писатели, журналисты, представители адвокатуры и другихъ профессій) и 30 поляковъ изъ разныхъ частей Польши, Литвы и Украинской Руси. Сколько въ средѣ этихъ русскихъ и поляковъ было лицъ «моисеева исповѣданія», въ корреспонденціи не упоминается. Но такъ какъ 30 упомянутыхъ поляковъ какъ разъ совпадаютъ съ 30 польскими адвокатами петербургскаго Съѣзда и, вѣроятно, были тѣ же самые „общественные дѣятели“, что вполнѣ соотвѣтствуетъ и времени обоихъ Съѣздовъ, то нужно предполагать, что и процентное отношеніе этихъ русскихъ, польскихъ и еврейскихъ дѣятелей въ Москвѣ было такое же, какое сейчасъ

показано для петербургскаго Съѣзда. Это подтверждается и резолюціями московскаго совѣщанія, которыя заключаются въ слѣдующемъ:

1) признавая необходимость автономнаго устройства Царства Польскаго, при сохраненіи государственнаго единства и при участіи въ обще-русскомъ представительствѣ, но съ особымъ сеймомъ, избраннымъ на основаніи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій, собраніе считаетъ нужнымъ отложить болѣе подробное опредѣленіе границъ и содержанія этой автономіи до всесторонней разработки вопроса; и

2) въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ поляки составляютъ одну изъ народностей, а именно на Литвѣ и Украинской Руси, за ними должны быть признаны во всей полнотѣ ихъ гражданскія и національныя права, безъ всякихъ законодательныхъ и административныхъ ограниченій, съ законодательнымъ обезпеченіемъ за ними свободнаго національно-культурнаго развитія.

Вотъ что называется „раздѣлиша ризы моя себѣ и объ одеждѣ моей меташа жребія“! Правда, здѣсь говорится еще о „сохраненіи государственнаго единства“ при этомъ превращеніи Россіи въ федерацію автономныхъ народностей. Но кто поручится, что, при мало-мальски серьезномъ столкновеніи польскаго сейма съ „обще-русскимъ представительствомъ», первый не воспользуется дарованнымъ ему 170 профессорами, 183 адвокатами и 100 общественными дѣятелями „правомъ на самоопредѣленіе“ и не объявитъ Польши независи-

мымъ государствомъ, какъ это и случалось уже, при аналогичныхъ условіяхъ, въ 1830 и 1863 г.г.? Можетъ, конечно, это «самоопредѣленіе» выразиться и въ другой формѣ, напр., въ признаніи Польши габсбургскою секундогенитурою, о чемъ много приходится слышать и въ Краковѣ, и во Львовѣ. Что же касается границъ этой будущей Польши, то такъ какъ совѣщаніемъ 100 русско-польскихъ дѣятелей въ Москвѣ этотъ вопросъ намѣренно оставленъ открытымъ,—здѣсь могутъ разумѣться и пресловутыя границы od morza do morza! По примѣру же поляковъ можетъ затѣмъ сеймъ гельсингфорскій присоединить Финляндію къ Швеціи, рижскій-Остзейщину къ Пруссіи, кишиневскій—Бессарабію къ Румыніи, ташкентскій—Туркестанъ къ Турціи или Персіи и т. д.

Вотъ когда «храмина русской земли» оказалась бы дѣйствительно «разсыпанною»!

Но возникаетъ вопросъ: къ чему понадобился бы тогда всероссійскій Союзъ профессоровъ, если актомъ «самоопредѣленія» университетъ Юрьевскій сталъ бы нѣмецкимъ или латышско-эстонскимъ, Варшавскій—польскимъ, Кіевскій, Одесскій, Харьковскій—украинскими, Казанскій—татарскимъ, Томскій—киргизско-монгольскимъ и т. п.? Вѣдь очевидно, что если варшавскіе адвокаты уже теперь заявляютъ претензію на самостоятельность по отношенію къ всероссійскому Союзу адвокатовъ, то того же потребуютъ себѣ въ будущемъ профессора всѣхъ нашихъ окраинныхъ высшихъ школъ. Установились бы, значитъ, между профессорами русскихъ университетовъ и окраинныхъ приблизительно та-

кія отношенія, какъ нынѣ между петербургскими и гельсингфорскими. Гдѣ же тутъ мѣсто для всероссійскаго Союза профессоровъ и вырабатываемаго ими нормальнаго устава россійскихъ высшихъ школъ?

XIV.

Но всего печальнѣе то, что наши передовые профессора, поднявъ надъ собою знамя освободительныхъ идей великой революціи, измѣнили ей въ самомъ основномъ пунктѣ. Извѣстно, что великая революція провозгласила «права человѣка и гражданина», для которыхъ ни вѣроисповѣданіе, ни національность не могутъ ставить ограниченій. Это былъ космополитизмъ, въ распространеніи котораго французскій языкъ занималъ первое мѣсто лишь потому, что на немъ составлено было déclaration des droits, подобно тому, какъ и въ магометанствѣ арабскому языку было свыше даровано первенство, какъ языку Корана. Всѣ же мѣстные языки во Франціи временъ конвента объявлены были аббатамъ Грегоаромъ и его сотоварищами презрѣнными patois, осужденными на смерть. Какъ же предполагаютъ наши профессора совмѣстить наслѣдіе великой революціи—космополитизмъ—въ составѣ «общерусскаго представительства» и реакціонное, по отношенію къ принципамъ революціи, начало націонализма—во всѣхъ окраинахъ нашего государства?

Не замѣтили они и того, что при сочиненной ими „соціальной структурѣ“ Россіи получается

цѣлый рядъ новыхъ привиллегій и правоограниченій. Въ привиллегированное положеніе ставятся всѣ русскіе инородцы, ибо они пользуются: на правахъ народности — автономіей въ мѣстномъ законодательствѣ и управленіи, а на правахъ гражданъ —половиною голосовъ въ общерусскомъ представительствѣ; «правоограниченнымъ» же является весь народъ русскій, который ни въ центрѣ, ни въ окраинахъ не будетъ имѣть «права на самоопредѣленіе»...

XV.

Вытекающій изъ этихъ соображеній выводъ о степени пригодности для Россіи рекомендуемаго ей 170 врачами метода лѣченія ея недуговъ, станетъ еще очевиднѣе, если мы сравнимъ его съ тѣмъ рецептомъ, который совершенно независимо отъ профессорскаго Съѣзда и, кажется, нѣсколько раньше его, опубликовалъ предсѣдатель совѣта одесскихъ адвокатовъ, О. Я. Пергаментъ, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Новостей», перепечатанной затѣмъ въ «Бирж. Вѣд.» (4 апрѣля).

Подобно 170 профессоровъ, г. Пергаментъ ставитъ во главу реформы введеніе въ Россіи «конституціонно-демократическаго» строя, съ представительнымъ управленіемъ, основаннымъ на началахъ всеобщаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Но онъ оказывается дальновиднѣе или откровеннѣе 170 профессоровъ, когда констатируетъ возможность у насъ и «двухпалатной системы», обусловленной-де «введеніемъ федератив-

наго строя». Основою же этого федерализма онъ признаетъ, какъ и 170 профессоровъ, но съ большею опредѣленностью, «полную равноправность всѣхъ національностей, съ правомъ полнѣйшаго національно-культурнаго самоопредѣленія».

Дальше г. Пергаментъ открываетъ такія перспективы, которыя вовсе не входили, кажется, въ горизонтъ зрѣнія 170 профессоровъ, вслѣдствіе ихъ близорукости или непривычки къ политическому мышленію. Г. Пергаментъ ставитъ на близкую очередь въ Россіи „отдѣленіе церкви отъ государства"; „представителемъ" же отдѣленной отъ государства церкви будетъ, по его словамъ, „отвѣтственный министръ". Предвидитъ г. Пергаментъ въ Россіи и „націонализацію земли", путемъ „выкупа ея отъ частныхъ лицъ" и надѣленія ею, а равно казенными и удѣльными землями, всѣхъ безземельныхъ,—слѣдовательно и всего шестимилліоннаго еврейскаго народа. Далѣе г. Пергаментъ настаиваетъ на уничтоженіи государственной полиціи и постоянной арміи, съ замѣною ихъ милиціями и самовооруженнымъ населеніемъ,—очевидно, по образцу Гомельскаго. А затѣмъ возникнетъ-де у насъ „организація всѣхъ профессіональныхъ союзовъ и выдѣляемаго ими общаго органа: союза союзовъ", который будетъ, вѣроятно, чѣмъ то въ родѣ «Grand Orient» Россіи, или тѣмъ „частью полулегальнымъ, частью даже нелегальнымъ собраніемъ представителей классовыхъ и групповыхъ интересовъ", о которомъ неясно проговорился и г. Бодуэнъ-де Куртенэ, какъ о лучшемъ средствѣ вытащить „застрявшую въ грязи телѣгу россійскаго государства".

И г. Пергаментъ предвидитъ, что подобный „союзъ союзовъ", какъ своего рода государство въ государствѣ, можетъ быть признанъ средствомъ нелегальнымъ или даже „революціоннымъ": но чтобы разсѣять всѣ опасенія въ этомъ отношеніи, онъ даетъ отъ себя увѣреніе — очевидно, считая его достаточнымъ—что, наоборотъ, проектированный „союзъ союзовъ" будетъ носить характеръ „антиреволюціонный" и даже поможетъ-де „осуществленію всенародныхъ стремленій"...

XVI.

Въ изложенномъ имѣется, полагаю, достаточно основаній для правильной оцѣнки терапевтическаго значенія предлагаемой 170 профессорами методы лѣченія недуговъ нынѣшней Россіи. Но для постановки окончательнаго прогноза при этомъ лѣченіи важно было бы восполнить данныя теоретическія опытными, или, такъ сказать, клиническими, заимствованными изъ исторіи лѣченія подобныхъ болѣзней въ другихъ государствахъ. При этомъ, для надежности выводовъ, въ основу сравненія нужно класть лишь тѣ эксперименты, которые производились при тождественныхъ или, по крайней мѣрѣ, возможно близкихъ біологически и исторически условіяхъ лѣченія.

Если бы мы, напр. сопоставляли въ данномъ случаѣ организмъ русскій съ нѣмецкимъ, англійскимъ, французскимъ, для выясненія возможной или вѣроятной реакціи перваго на конституціон-

ную методу лѣченія, то не могли бы избѣжать при этомъ большихъ ошибокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, старая поговорка учитъ: „что русскому здорово, то нѣмцу смерть". Еще дальше въ этомъ отношеніи отстоитъ отъ насъ кровь и характеръ англо-сакса или романца. Очень важное наблюденіе формулировано въ этомъ отношеніи гр. Л. Н. Толстымъ: русскій человѣкъ не способенъ-де къ конституціи, потому что руководится въ своихъ дѣйствіяхъ не закономъ, а совѣстью. Но много тутъ и другихъ глубокихъ контрастовъ: западная образованность развилась подъ вліяніемъ Рима, древняго и средневѣковаго. русская же подъ воздѣйствіемъ эллинизма античнаго и христіанскаго; западныя государства вышли изъ завоеванія и феодализма, Россія разрослась путемъ мирной колонизаціи и усиліями общества, сложившагося по совершенно другому типу; на Западѣ конституціи, именно старыя и основныя, какъ англійская, развивались процессомъ вѣковой эволюціи, у насъ же это могло бы быть сдѣлано лишь путемъ механическаго заимствованія; тамъ конституціонный строй опирается на могущественныя сословія или организаціи — аристократическаго, плутократическаго, соціалистическаго характера, у насъ онъ можетъ основываться лишь на кабинетныхъ мечтаніяхъ ученыхъ и корыстныхъ разсчетахъ разныхъ хищниковъ, главнымъ образомъ инородческаго происхожденія. Если, не смотря на все это, конституціонализмъ западный, особенно континентальный, сталъ быстро вырождаться, какъ это доказываютъ дрейфусада, панама, особенно же

обструкціонизмъ, который во многихъ странахъ совершенно парализовалъ механизмъ конституціоннаго управленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ отрицаніе самого принципа этого управленія т. е. господства большинства надъ меньшинствомъ, то спрашивается: что же выродилось бы изъ этого устарѣлаго, болѣзненнаго конституціонализма у насъ, при коренномъ различіи національнаго возраста, характера, преданій и стремленій?

XVII.

Но самымъ краснорѣчивымъ предостереженіемъ для насъ въ этомъ отношеніи служитъ то, что мы видимъ въ нынѣшней Галичинѣ, Буковинѣ, Угророссіи, гдѣ объектомъ конституціонныхъ экспериментовъ, начатыхъ съ 1848 г., а затѣмъ, послѣ нѣкотораго перерыва, примѣняемыхъ съ 1860 г., т. е. въ теченіе уже 40—50 лѣтъ, является тотъ же русскій народъ, который живетъ и по сю сторону Збруча, въ Малороссіи, да и во всей Россіи. Этотъ экспериментъ долженъ быть для насъ тѣмъ убѣдительнѣе, что онъ производился по восточному и западному склонамъ Карпатъ не въ тожественныхъ условіяхъ, а именно: въ Цислейтаніи или Австріи по системѣ сословнаго и классоваго представительства, а въ Транслейтаніи или Венгріи — на началахъ «всеобщихъ и равныхъ» выборовъ. Притомъ въ Австріи идея національнаго федерализма развивается съ нѣсколько большей свободой, чѣмъ въ Венгріи, гдѣ фактически одни хорваты имѣютъ какія-такія права на мѣстное самоопредѣленіе. Если,

слѣдовательно, окажется, что во всѣхъ трехъ червоно-русскихъ областяхъ, при всемъ различіи мѣстныхъ условій и политическихъ системъ, микстура парламентаризма дѣйствовала на русскій организмъ одинаково, именно: не укрѣпляющимъ, а ослабляющимъ образомъ, и что она въ одно—два поколѣнія довела нашихъ подкарпатскихъ братьевъ—на «краї пропасти», то будетъ очевидно, что того же слѣдуетъ ожидать русскому народу отъ подобнаго метода лѣченія и въ Россіи.

Что же мы видимъ нынѣ въ Червонороссіи?

Прежнее, относительно автономное положеніе червонорусской церкви—православной въ Буковинѣ, а греко-уніатской въ Галичинѣ и Угророссіи—подъ дѣйствіемъ конституціи быстро смѣнилось полнымъ подчиненіемъ ея, черезъ парламенты—отвѣтственнымъ министрамъ культовъ, а черезъ послѣднихъ—намѣстникамъ, жупанамъ, старостамъ; огромныя поземельныя владѣнія буковинской митрополіи отчасти расхищены, отчасти же служатъ цѣлямъ государства, а не церкви; вѣрные своему долгу іерархи, какъ митрополитъ Іосифъ Сембратовичъ, сосланы въ заточеніе; на ихъ мѣсто назначаются исключительно польскіе, нѣмецкіе и мадьярскіе приспѣшники и вообще ренегаты; русскіе монастыри перешли въ завѣдываніе іезуитовъ или змартвыхвстанцевъ; принимаются мѣры для введенія безбрачія духовенства; церковно-славянскій языкъ въ богослуженіи уже вытѣсняется кое-гдѣ мадьярскимъ; червонорусскіе приходы все еще томятся подъ гнетомъ патроновъ, каковыми нерѣдко бываютъ и евреи; червонорусская школа въ Гали-

чшнѣ ополячена, въ Буковинѣ онѣмечена, въ Угроссіи омадьярена; если же тамъ и терпятъ еще кое-гдѣ русское преподаваніе, то не иначе, какъ на новосочиненномъ русско-польскомъ и русско-мадьярскомъ жаргонахъ и подъ условіемъ полнаго отреченія отъ языка Ломоносова, Пушкина, Гоголя: для полученія профессуры во Львовскомъ университетѣ съ русскаго ученаго берется реверсъ, что онъ будетъ преподавать въ духѣ теоріи двухъ русскихъ народностей и полной самобытности малорусскаго языка; вся червонорусская школа средняя, а отчасти и низшая, отдана въ жертву нигилизму и соціализму; министерскими приказами опредѣлены какъ жаргонъ этой школы, такъ и обязательное въ ней правописаніе, именно фонетическое, для скорѣйшаго отторженія школы отъ церкви и отъ связей съ литературой обще-русской.

Одновременно съ тѣмъ мобилизована червонорусская земля и перешла по большей части въ руки евреевъ; промышленность и торговля стали чуть ли не монополіей послѣднихъ; спаиваемые ядовитыми спеціями шинкарей и деморализуемые въ нигилистической или ультрамонтанской школѣ, червонорусы стали быстро вырождаться въ своемъ физическомъ и нравственномъ типѣ; цѣлыя сотни тысячъ ихъ вынуждены были эмигрировать въ Америку и зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ, какъ каторжники, въ подземныхъ копяхъ.

Такимъ образомъ, одно-два поколѣнія конституціонной жизни нанесли нашимъ подкарпатскимъ соплеменникамъ болѣе потерь и ударовъ, чѣмъ цѣлые вѣка прежняго режима. Даже львовская

украйномапская газета „Дило“, которая прежде распиналась за конституцію, теперь (№ 63, отъ 18 марта) находитъ, что „россійскій кнутъ для нашей (малорусской) національной будущности меньше опасенъ, чѣмъ австрійская свобода“. . . .

А что же дѣлали при этомъ червонорусскіе депутаты?

Въ первые годы по введеніи конституціи они еще имѣли нѣкоторое значеніе какъ въ мѣстныхъ сеймахъ, такъ и въ государственныхъ палатахъ. Но съ каждыми новыми выборами число этихъ депутатовъ все болѣе сокращалось, подъ давленіемъ нѣмецкаго и мадьярскаго правительства, польской и румынской аристократіи, еврейской плутократіи. Теперь на 3 милліона галичанъ и буковинцевъ не наберется въ вѣнской державной думѣ и десяти депутатовъ, да и то болѣе изъ мамелюковъ. Въ Будапештскомъ же парламентѣ въ послѣднія двадцать лѣтъ не было ни одного угрорусскаго депутата съ народной программой, хотя тамъ уцѣлѣло до полумилліона угрорусскаго населенія.

XVIII.

Переводя показанія этихъ червонорусскихъ опытовъ на языкъ нашихъ внутреннихъ отношеній, я считаю себя въ правѣ, на основаніи приведенныхъ соображеній и указанныхъ прецедентовъ, поставить слѣдующій прогнозъ, на случай лѣченія нашихъ недуговъ по той же конституціонно-федеративной методѣ:

Святая православная Русь исчезнетъ, какъ таковая: она превратится въ Русь неправославную,

даже не христіанскую, а скорѣе всего масонскую; проектируемый патріархатъ не спасетъ нашей церкви отъ порабощенія, какъ не спасъ подобный титулъ независимости патріарха сербскаго въ Карловцахъ; во главѣ всѣхъ церквей и исповѣданій будетъ поставленъ отвѣтственный передъ своей партіей министръ культовъ, каковымъ легко можетъ оказаться инородецъ или иновѣрецъ; отъ его усмотрѣнія будетъ зависѣть каждый шагъ любой христіанской и нехристіанской церковной общины: въ числѣ первыхъ законовъ будетъ изданъ законъ о гражданскомъ бракѣ, о правѣ христіанъ переходить въ еврейство или мусульманство, а нѣсколько позже и законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства; общественная автономія въ области школьной формально будетъ признана, но на дѣлѣ и въ низшей, и въ средней, и въ высшей школѣ будетъ господствовать усмотрѣніе того „отвѣтственнаго" министра; если, какъ слѣдуетъ ожидать, онъ окажется соціалистомъ или масономъ, то изъ школъ будутъ выброшены иконы, а законъ Божій будетъ замѣненъ уроками соціально-демократической морали; государственный языкъ сохранится только въ великорусскихъ школахъ, такъ какъ въ школахъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ постепенно утвердятся жаргоны русско-польскаго типа, въ родѣ господствующаго нынѣ въ школахъ червонорусскихъ; во всѣхъ же окраинныхъ школахъ преподаваніе снизу доверху будетъ вестись на языкахъ мѣстныхъ: нѣмецкомъ, польскомъ, армянскомъ и т. д.; учебники будетъ составляться для школъ русскихъ въ соціально-демократическомъ направленіи, а для иногород-

ческихъ въ духѣ сепаратизма соотвѣтственнаго племени: изъ десяти нашихъ университетовъ только 3 или 4 останутся съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ и въ состояніи будутъ воспользоваться тѣмъ «нормальнымъ уставомъ высшихъ учебныхъ заведеній», который вырабатывается для нихъ, „на началахъ академической свободы и автономіи" „академическою комиссіею" профессорскаго Союза; всѣ прочіе наши университеты станутъ инородческими по языку и духу преподаванія, а въ своей организаціи будутъ зависѣть, какъ нынѣ Гельсингфорскій университетъ, отъ мѣстнаго сейма; и петербургской Академіи наукъ придется преобразоваться въ великорусскую, предоставивъ нашъ малорусскій югъ ученому водительству другой академіи, украинской, въ каковую будетъ преобразовано перенесенное въ Кіевъ изъ Львова,—за ненадобностью тамъ по случаю ополяченія Галичины.—Общество Шевченки впослѣдствіи же возникнутъ постепенно еще особыя академіи: бѣлорусская, латышская, эстонская и др.; съ провозглашеннымъ упраздненіемъ всѣхъ классовъ и сословій при выборахъ, быстро разложится у насъ и дворянство, и духовенство, и крестьянство, и все это сольется въ типахъ хищника съ одной, а добычи съ другой стороны; мобилизованная земля перейдетъ изъ рукъ помѣщиковъ и крестьянъ въ руки банкировъ и міроѣдовъ; безземельный пролетаріатъ наполнитъ города и села и послужитъ отличнымъ матеріаломъ для экспериментовъ соціализма; въ странѣ послѣдуютъ обширныя народныя передвиженія, причемъ инородцы устремятся въ поля черноземныя, въ об-

ласти съ металлами, минералами, и водяною силою, крестьянство же русское постепенно будетъ отодвинуто въ пески и тундры, пока не найдетъ себѣ надежнаго убѣжища отъ опасностей бѣлой и желтой—на необитаемыхъ островахъ Ледовитаго океана: образуется совершенно новый укладъ нашей общественной жизни, съ охлократическимъ пьедесталомъ и плутократической вершиной; и эта пирамида будетъ надгробнымъ памятникомъ не фараона, а соорудившаго ее, по планамъ 170 зодчихъ, русскаго народа . . . . .

Вся эта метаморфоза не будетъ длиться 30-40 лѣтъ, какъ это имѣло мѣсто въ русскомъ Подкарпатьѣ, гдѣ конституціи все-же пришлось преодолѣвать сопротивленіе старыхъ сословій, классовъ, учрежденій. Система „общихъ и равныхъ выборовъ", сразу превращающая Россію въ нѣкую tabula rasa, съ одновременнымъ провозглашеніемъ права инородцевъ на всяческое самоопредѣленіе, позволитъ провести этотъ переворотъ съ быстротой головокружительной, быть можетъ, въ теченіе одного-двухъ десятилѣтій...

Не ясно-ли, читатель, что предлагаемое 170 цѣлителями лѣченіе хуже самой болѣзни, и что лучше ужъ Россіи помириться съ немедленною гибелью, какъ царства христіанскаго и славянскаго, чѣмъ постепенно перерождаться во вторую—Индію?...

XIX.

А между тѣмъ, кто можетъ поручиться, что Россія дѣйствительно находится теперь, какъ увѣ-

ряютъ 170 профессоровъ, „на краю пропасти“? Не оптическій ли это обманъ, обусловленный какимъ нибудь маревомъ, или гипнозомъ со стороны инородцевъ? Слишкомъ ужъ подозрительна суетливость всѣхъ этихъ союзовъ и съѣздовъ, вдругъ надувшихъ безчисленныя деклараціи и резолюціи, гдѣ крайняя скудость доводовъ восполняется обиліемъ подписей. Не голосъ ли это іерихонскихъ трубъ, отъ котораго должны пасть не только картонныя стѣны русской бюрократіи, но и вѣковыя твердыни русскаго государства?

Былъ въ русской исторіи моментъ, когда наше отечество, дѣйствительно, находилось „на краю пропасти“. Русскій тронъ пошатнулся; династія пресѣклась; земля наполнилась тушинскими и иными ворами; на западѣ, югѣ, сѣверѣ бродили шайки поляковъ, казаковъ, шведовъ; весь споръ заключался въ томъ,—присягать ли королевичу Владиславу, или королю Сигизмунду III. Еслибы этотъ вопросъ рѣшался въ ту пору такими патріотами, какъ наши 170, то наше православное царство, „третій Римъ“, представитель всего восточнаго христіанства, стало бы уже тогда прихвостнемъ конституціоннаго королевства польскаго, слѣдовательно, и вообще западно-европейской образованности. Ставъ же такимъ образомъ привѣскомъ Польской „рѣчипосполитой“ и культурнымъ плеоназмомъ Запада, Россія, вѣроятно, раздѣлила бы въ XVIII или XIX в. судьбу этой „рѣчипосполитой“. Проф. Ламанскому не пришлось бы тогда писать „О трехъ мірахъ азійско-европейскаго материка“, такъ какъ средній между ними и самый централь-

ный, въ смыслѣ и географическомъ и культурномъ, міръ греко-славянскій давно бы слился либо съ западнымъ, либо съ восточнымъ человѣчествомъ этого материка.

Къ счастью, нашлись тогда люди, которые взяли на себя трудъ возсоздать „разсыпанную храмину русской земли“ по другому плану, не обращаясь за содѣйствіемъ ни къ Сигизмунду III, съ его панами и іезуитами, ни къ тушинскому вору, съ его казацкой вольницей. „Храмина“ была возсоздана по молитвамъ Гермогена, вдохновеніемъ Авраамія Палицына и геройскими усиліями Мининыхъ и Пожарскихъ,—возсоздана въ видѣ прежняго восточно-христіанскаго царства, вѣрнаго всѣмъ завѣтамъ своего прошлаго, своей кирилло-меѳодіевской образованности.

Вотъ намъ примѣръ для подражанія; вотъ знамя, подъ которымъ и мы должны бороться и побѣдить! Оно уже опознано многими истинно-русскими людьми, особенно изъ среды крестьянства, въ которомъ не переводились Минины. За крестьянствомъ же, какъ нѣкогда за Мининымъ Пожарскій, выступятъ именитые люди русской земли, наши лучшіе дворяне, лучшіе земцы, между которыми уже выдвинулись многія знакомыя и дорогія Россіи имена. Въ томъ же историческомъ направленіи уже работаетъ и наше духовенство, которое, будемъ надѣяться, вновь дастъ намъ и Гермогеновъ, и Авраміевъ, и Филаретовъ. Найдутся и между нашими писателями люди, которые, глубже понимая права и обязанности „политически мыслящей части русскаго общества“, встанутъ на защиту

русскихъ національныхъ задачъ и историческихъ учрежденій, вмѣсто того, чтобы увлекаться западническимъ чужебѣсіемъ и отвлеченнымъ радикализмомъ.

Возрожденіе нашихъ старыхъ учрежденій, оттѣсненныхъ со временъ Петра Великаго западнымъ вліяніемъ, въ частности же возстановленіе и развитіе нашего Земскаго Собора, въ его всесословномъ составѣ и національно-общественномъ значеніи,—вотъ нашъ историческій путь. Слѣдуя ему, Россія найдетъ надежный выходъ и изъ нынѣшнихъ невзгодъ, которыя напрасно многимъ представляются чѣмъ-то неодолимымъ для богатырскихъ силъ русскаго народа.

11 мая 1905 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Посвященіе	3.
Предисловіе	5.
А. Нѣсколько критическихъ замѣчаній на «Записку 342 ученыхъ о нуждахъ просвѣщенія»	7— 17.
Б. Еще два слова о той же «Запискѣ».	18 - 64.
В. О политическихъ мечтаніяхъ 170 профессоровъ и преподавателей . . .	65—109.

3

ЦѢНА 50 КОП.

2007058737